

Кирилл КАЗАНЦЕВ

Я-ВОР

В ЗАКОНЕ

АНТИКВАРЩИКИ

Я – вор в законе (Эксмо)

Кирилл Казанцев

Антикварщики

«Эксмо»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Казанцев К.

Антикварщики / К. Казанцев — «Эксмо», 2016 — (Я – вор в законе (Эксмо))

ISBN 978-5-699-92635-0

Вор в законе Седой наградил антиквариата и бесценных икон столько, что на две жизни хватит. Но второй у него точно не будет, а эту он не дожил и до старости. Перед смертью запрятал он свои сокровища так, что теперь две бандитские кодлы ищут их и найти не могут. Только мочат друг друга почем зря, подбираясь к кладу. Но они еще не знают, что муровский опер Лядов держит все под контролем и ждет не дождется, когда бандиты перебьют конкурентов. А те, кто останется в живых, будут иметь дело с ним...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92635-0

© Казанцев К., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Часть первая. Математика убийства	6
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Кирилл Казанцев

Антикварщики

© Рясной И., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Часть первая. Математика убийства

Полдвенадцатого. «Спокойной ночи малыши» давно закончились. Провинциальный город засыпает рано. Но кому-то не спится в ночь глухую.

Не спится мне. Не спится Егору Железнякову, развалившемуся на заднем сиденье машины. Не спится группе службы наружного наблюдения. И все из-за того, что бодрствует долговязый нескладный зеленопиджачник Рома Лазутин. Солидные, степенные, умудренные опытом люди, такие, как я, приклеенными ходят за этим сосунком и не сводят с него глаз. И не потому, что он интересен нам как личность или нам так важно его никчемное времяпрепровождение. Нас волнует другое. Например, кто совершил убийство.

Чего, спрашивается, делать нормальному человеку в этом мусорном краю в такое время? Сюда даже шпана не заходит, ей здесь скучно. Темная труппобная улица, половина двухэтажных покосившихся домов выселена, черный шпиль колокольни пронизывает темно-серое небо. Неоновый фонарь кидает болезненно-бледный свет на зеленый забор запущенной стройки – в последний раз мне довелось побывать в этом городишке три года назад, и с тех пор, по моему, ни одного нового кирпича здесь не положили. На скамейке в небольшом скверике с чахоточно-ломаными «чернобыльскими» деревьями устроился Рома. А соседи его – это роющиеся в мусорных баках около стройки коты да несколько крыс. Изредка пройдет припозднившийся, шарахающийся от собственной тени прохожий. Проедет, шурша мягко шинами, машина.

Рома встал, закурил сигарету, прошелся, помахал руками. Закоченел, мерзляк. Пиджачишко тоненький, хоть и фирменный. А на дворе не май месяц, а всего лишь апрель. Не рассчитывал Рома, что придется ждать полчаса. А ждать надо. Не нервничай, браток, мы жждем этой встречи не меньше, чем ты. Только она тебя пугает, а нас бодрит и окрыляет. Мы рассчитываем на нее. На то, что дело сдвинется с мертвой точки.

Увесистая цифра, множество нулей, жирно отливающих долларовой зеленью, – это сумма ущерба в результате разбойного нападения на известного коллекционера древностей и всяких прочих раритетов Клементия Владимировича Порфирьева. Осмотр места происшествия походил на торжественное заседание в честь Дня милиции. Перебывали там все, начиная от начальника ГУВД Москвы и кончая старшим опером по особо важным делам Лешей Лядовым, – для тех, кто не в курсе, любезно сообщаю, что это я. Переполох поднялся похлеще, чем когда в переполненный курятник врывается голодная лиса. Шум, кудахтанье, вопли, призывы и обвинения – во всю мощь теле- и радиоголосов, во всю ширину газетных полос: «Погиб член Пен-клуба! Писатель во втором и интеллигент в двадцать втором поколении. Бывший член Президентского совета, сопредседатель дворянского собрания и звезда телепередач!» Число «резонаторов» – преступлений, вызвавших большой общественный резонанс, – выросло на одну единицу. И единица эта чугунной тяжестью легла на мои плечи.

В тот мартовский день судьба, всегда благоволившая к Порфирьеву и не забывавшая баловать его подарками, вдруг показала ему свой смертельный оскал. Две пули пробили сердце и грудь писателя, кровь почти незаметным темным пятном легла на пушистый красный ковер.

Антиквариата в огромной двухкомнатной квартире в тихом арбатском переулке хватило бы на средний музей. Черного дерева мебель, картины в тяжелых золоченых рамах, старинный фарфор и эмаль, серебряные изделия, какие-то невзрачные предметы безумной ценности. Самые дорогие полотна хозяин передал на хранение в Музей частных коллекций. Один из трех сейфов был распахнут, исчезли коллекция марок, несколько уникальных вещей и еще с килограмм-другой золотых ювелирных изделий.

Дырявили коллекционера из «Рюгера 22/45» – специального бесшумного пистолета, полюбившегося западным спецслужбам. Еще лет пять-шесть назад такое оружие, может, кого

и удивило бы, но сегодня с оружием нет никаких проблем – рынок обширный, ассортимент богатый, плати деньги да грузи товар. Интереснее было то, что жертва пустила в дом своего убийцу. Коллекционеры – народ нервный и мнительный, они баррикадируются за тяжелыми дверьми, запираются на хитрые засовы и ограждаются всеми видами сигнализации. Писатель не был исключением. Так что впустил он домой или хорошо знакомого человека, или того, кто сумел обмануть его бдительность. Как именно обмануть? Есть масса способов. Бывает, втираются в доверие преступники под видом собратьев по коллекционерскому хобби или в овечьей шкуре журналистов престижных газет. Предположений можно построить целый микрорайон, но точно узнаем все, когда преступник будет сидеть напротив нас и чистосердечно раскаиваться.

Лена Порфирьева, восемнадцатилетняя студентка МГУ, отбыла на выходные к своему молодому человеку на дачу, но поругалась с ним и вернулась домой. Ей повезло – она всего лишь наткнулась на труп отца. Если бы она приехала на два часа раньше, то потом кто-нибудь наткнулся бы на ее труп. Она вспомнила все похищенные предметы, а так как Порфирьев имел обыкновение фотографировать свои ценности, то теперь мы имели их изображения.

Есть некий стандарт работы по раскрытию подобных дел. Выявляется и отрабатывается круг знакомств жертвы. Перекрываются возможные каналы сбыта. Немедленно ориентируются таможенные органы. Описания и изображения незамедлительно ставятся на учет в Интерпол. Закидываются широкие сети, ну а попадет ли в них рыба щука – это еще и вопрос везения.

Люди и средства у нас пока были. Но вряд ли надолго, поскольку подоспели похищение очередного журналиста и взрыв очередного офиса банка, так что у газетчиков и телевизионщиков возникли новые скандальные темы, наше дело отошло на второй план, а значит, не сегодня завтра из бригады начнут отзывать сотрудников.

Если дело не раскрыто в течение трех суток, то нужно настраиваться на долгую работу. Тут три варианта. Или нащупаешь нить, прилежно отрабатывая версии. Или придут интересные сведения, и с их помощью ты перевернешь дело и приведешь его к успешному финалу – а прийти они могут откуда угодно, хоть из провинциального вытрезвителя. Или дело зависнет на неопределенный срок, будет передаваться по наследству от одного опера и следователя к другому, за него будут строго и безнадежно спрашивать, и бесполезно станут пухнуть папки с оперативным и уголовным делами.

Отработка версий не давала ничего, если не считать десятка попутно раскрытых преступлений. Были у меня в коллекции три явки с повинной убийц Порфирьева, жгучие сцены раскаяния с описанием подробностей преступления, которые никак не соответствовали действительности. Повинившиеся никакого отношения к убийству не имели – один был простым психом, двое других, отсиджавших срок в ИТУ, по каким-то причинам хотели прокатиться в Москву, куда, как рассчитывали, их этапируют. Ничего из ряда вон выходящего. По каждому громкому делу идут подобные признания. Дело все больше напоминало противную птицу глухаря – то есть глухое, бесперспективное дело. Но тут, как говорят у нас, труп зашевелился.

В заштатном городишке в трех сотнях километров от Москвы взяли Рому Лазутина. Взяти на валютных операциях – бывает же еще такое. Он хотел продать пару сотен долларов. Пятьдесят из них были фальшивыми. А еще в кармане у Ромы был медальон старинной эмали с изображением Божьей Матери. Вещицу добросовестный оперативник прокатал через автоматизированную информационно-поисковую систему «Антиквариат» Главного информцентра МВД, и вышло, что она из квартиры Порфирьева. Пока суд да дело, Рома отсидел в ИВС свои трое суток, ни в чем не признался – его упрямству мог бы позавидовать карабахский ишак. Когда мы приехали в город, Лазутин уже вышел на свободу. Обратного на нары мы его укладывать спать не стали, а решили поводить несколько дней на коротком поводке.

Сегодня утром Роме позвонили из телефона-автомата. Сиплый голос осведомился, где рыжевые, что на человеческом языке означает золото.

- Менты забрали. За зелень повязали, рыжевья при мне было.
- Ты, бык бродвейный! Они спрашивали, откуда вещь?!!
- Нет. Просто изъяли до кучи.
- Конь педальный!.. Уф-ф... Отрабатывать будешь. Встретимся, скажу как. Иначе...
- Да понял я...

Место встречи – недалеко от дома Ромы. Сидим, ждем. А этот аноним не идет и не идет. Как можно быть таким непунктуальным! А может, этот господин НИКТО уже побывал здесь, срисовал наше наблюдение и сделал ноги?.. Нет, маловероятно, если он, конечно, не телепат.

– Ночевать здесь будем? – наконец вскипел я.

– Придет, – зевнул Железняков.

– А если не придет?

– Тогда не придет... Все болезни, Леха, от нервов. Я вот спокоен, как статуя Будды, проживу сто лет.

– А я неспокоен.

– Тогда ты не проживешь сто лет.

Лазутин пробежался по скверу, попрыгал на месте, съежился от порыва ветра, плюхнулся на лавку и снова закурил.

– Второй, ответь Четвертому, – послышался голос из рации.

– На связи, – произнес я в микрофон.

– Крупный мужчина в темном плаще движется в направлении объекта.

– Вижу, – произнес я.

В нашем поле видимости появилась массивная фигура. Бабушкин «комод». Темень, не разглядишь его нормально. Ничего, «комод», еще будет у нас время, познакомимся поближе, чайку попьем. Если, конечно, ты тот, кого ждет Рома.

– Ну же, – хлопнул ладонью по сиденью Железняков. – Иди к нему.

– Спокойствие, Егор. Иначе до ста лет не дотянешь.

Тот самый! Подошел к Роме. Рома вскочил, завихлялся, развел руками – мол, сколько ждать можно. «Комод» протянул ему руку, сблизился, резко дернулся. А потом...

Потом Рома стал оседать на асфальт. «Комод» склонился над ним и нанес удар в шею.

– Ух, е-мое! – только и воскликнул я, поворачивая ключ в замке зажигания.

«Комод» времени не терял. Он шустро рванул в сторону стройки.

– Объект завалили! – крикнул Железняков в рацию. – Нападавший двинул на стройку.

Попытайтесь принять его с Сиреневого переулка.

Я вдавил педаль газа. Машина быстро покрыла триста метров. Выхватив родной потерянный «ПМ», я ринулся из салона.

Секунды, секунды, секундочки. Ох, как вас сейчас не хватает. Время безвозвратно упущено. Вся надежда на парней из службы наружного наблюдения. Ну, братки, шевелитесь, мы должны взять его!

Стройка. Плиты. Ямы. Темень. Эх вы, ноги мои, ничего не стоит вас здесь переломать. А заодно и шею свернуть. Где ты, «комод»? Ау! Вон кто-то впереди маячит. Тень. Огонек фонаря... Привет коллегам. Все-то у наружки в запасе, даже фонарь.

– Ушел, – переведя дыхание, сообщил оперативник. – Местность хорошо знает.

Мы вернулись к Роме. Он бездыханно лежал на земле.

– Прижмурился, – отметил оперативник, склонившись над телом.

Действительно, нелегко жить, когда в горле тебе сделали дырку, а живот вскрыли, как при харакири. Может, у кого-то и получилось бы выжить. Но Рома не принадлежал к числу таких уникалов. Он был мертв безвозвратно.

* * *

«Есть неплохое антикварное серебро и золото. Как это откуда? С дела!» Бывает же такое – один человек говорит такие слова другому, а слышит их еще и третий, притом этот самый третий носит милицейские погоны и как раз ищет «антикварное серебро и золото с дела».

По нашим каналам прошла информация, что некие крутые ребята пытаются отыскать канал сбыта. Не из квартиры ли Порфирьева золотишко? Для выяснения этого вопроса меня срочно вызвали в Москву. Я уехал, оставив Железнякова разбираться с безвременной кончиной Ромы Лазутина.

Разобрались с продавцами «антиков» мы быстро. Оказались они обычными «клюквенниками» – ворами, чистящими церкви. Группа состояла из двух цыган и русского. Почему-то у цыган особая тяга к церквям. Воровскую шайку мы взяли в полном составе. Изъяли сотню икон и гору утвари. К убийству Порфирьева никакого отношения они не имели. Какое там убийство! У «клюквенников» своих забот полон рот. Вон сколько церквей новых открывается, грех не заглянуть.

Неудача. А это значило, что нужно возвращаться в провинциальный город и тянуть слабую нитку, идущую от трупа Лазутина.

Дело шло ни шатко ни валко. Роме за неделю до гибели стукнуло двадцать семь лет. Когда была статья о спекуляции, числился он в фарцовщиках. Побывал и валютчиком, даже привлекался к уголовной ответственности, но был прощен в связи с торжеством демократии. Пытался пристраиваться в фирмы, но быстро вылетал, поскольку такой работник – сущая беда для любой коммерческой структуры. Подторговывал краденым, отсидел за это в СИЗО, опять был отпущен на все четыре стороны в связи с амнистией.

Ясно было, что убийца из знакомых Лазутина. Оставалось проверить каждого и хотя бы спросить об алиби. Знакомых у Ромы оказалось полгорода или около того. Прохиндеистый обаятельный шалопай постоянно пребывал в долгах, отдавал деньги одним, перезанимал у других, зажимал третьим. Один раз ему сломали руку, другой раз пощекотали ножичком, но не помогло – таких только могила исправит. Возможно, из самых лучших побуждений ему прописали такое лекарство.

О преступнике мы имели самое общее представление. Ни мы, ни оперативники из службы наружного наблюдения не рассмотрели его достаточно хорошо. Усекли только, что это было что-то большое.

Габариты убийцы – тоже отличительная черта. Таких здоровяков не так много. Но и не так мало, чтобы допросить каждого в трехсоттысячном городе. Еще имелась звукозапись голоса – если, конечно, звонил сам «комод», а не его поделщик.

Провинция – не Москва, где каждый день по десять убийств, не считая обычных взрывов, терактов, разборок и грабежей сберкасс. Да и милиция здесь работала по старинке, полностью выкладываясь на раскрытии убийства. По прибытии я имел счастье увидеть толстенный том с оперативными материалами и не менее толстый том уголовного дела. Нарыли мои коллеги немало. Но... ничего конкретного. Только со всей определенностью было ясно, что среди близких знакомых Ромы «комод» не числился.

Вечерочком я, Железняков и заместитель начальника уголовного розыска Владимир Масляненко собрались в кабинете последнего.

– Близких друзей у Ромы Лазутина не было, – просвещал меня Масляненко. – Знакомых – полк. А приятели – только эти.

Жестом карточного игрока он разложил на столе фотографии – профиль-фас. У фотографа до боли знакомый почерк. Не спутаешь ни с чем. Он вырабатывается в унылых казен-

ных кабинетах, и плодами такого творчества полнятся не яркие обложки журналов и газетные полосы, а оперативные альбомы.

– Тимур и его команда. Всем по двадцать три года, все одноклассники. Знают друг друга с первого класса, – Масляненко ткнул в фотографию в центре. С нее взирала насупившаяся толстая физиономия. – Тимур Валуйев, кличка Валуй.

Следующая фотография. Худое удлинненное лицо с тонкими чертами и злыми глазами.

– Павел Сазонов, кличка Хорек.

– Скорее похож на лисицу, – сказал Железняков.

– С Валуйем они неразлейвода. Валуй – тупая, грубая, упрямая скотина. Бык такой. А Хорек – хилый, наглый и злопамятный. Труслив. Неглуп. Постоянно подбивает Валую на подвиги. Из хорошей семьи. Окончил пединститут. Учить детей грамоте, понятно, не намерен.

Железняков ткнул пальцем в фотографию парня, как две капли воды похожего на героя-манекенщика из фильма «Санта-Барбара», – лицо открытое, нос крючком, короткая стрижка.

– Альберт Долин. Погоняло Малыш. Знаешь, двухметровых дылд обычно называют Малышами и Крошками. Самый близкий приятель Лазутина.

Палец Масляненко пригвоздил к столу лоб взвизгивающей с фотокарточки пышноволосяной блондинки. Глаза у нее были чуть навывкате, что придавало ей сходство с рыбой. Точнее, с рыбонькой – смазливой и сексуальной.

– Наташа Рагозина. Спали с ней все трое начиная с девятого класса. Каждому она говорила, что он у нее один-единственный во всей Вселенной. А они, собравшись за бутылкой плодового вина, обсуждали, какие фортели она выделяет в постели.

– Истинные джентльмены, – кивнул я.

– Она была победительницей городского конкурса красоты. После него тут же распорочалась с честной компанией и нашла работу по душе.

– Работу фотомодели?

– Нет. Любовницы. Конкурсы красоты – это такой тип невольничьего рынка. Там новорусские выбирают себе девиц. Ее выбрал Моисей Гурвич. Сейчас живет в Москве. Крутит большие дела. Тогда у него полет был пониже. С ним она прожила около года. То ли он оказался жаден, то ли между ними пробежала черная кошка, но так или иначе Валуй и Малыш завалились к нему в квартиру (Наташа открывала им дверь), набили бизнесмену личность и позаимствовали приличную сумму. На следующий день мы их приняли. Я начальником районного розыска работал и ими занимался. Представляете, они уже начинают признаваться, но тут Мойша Гурвич заявляет, что никто его не грабил, была мирная посиделка и никаких претензий нет. На нет и суда нет – отпустили.

– Так они разбойники? – спросил я.

– Не сказал бы. Мы их немного опустили с небес на землю, и они перешли к борьбе за собственное благополучие мирными средствами. Сначала торговали на рынке вещами. Даже хотели ставить палатку. Но что-то не срослось. Сегодня числятся временно неработающими. На самом деле «матрешечники».

– Что это за звери? – удивился Железняков.

– Город у нас уникальный. К монастырю и церквям тянутся туристы, паломники. Видели, на монастырской площади толпы продавцов русских сувениров – матрешек, пасхальных яиц, деревянных церквушек.

– Творчество туземцев, – поддакнул я.

– Половина заводов в городе стоит, люди без зарплаты. Кому повезло – подались на рынок или на монастырскую площадь. Кто-то строгаёт болванки под матрешек. Кто-то раскрашивает их. А Тимур и его команда скупают и продают. В день на брата после отчислений рэкету может набежать по сто-двести долларов.

– Ничего себе.

– Можно и ничего не наторговать. Дело хлопотное. Надоедает. Наташа время от времени хлопает дверью и уходит к очередному любовнику. Но надолго не задерживается. Годы идут, форму теряет королева красоты, прокурилась, кожа увядает, цвет лица уже не тот. Разругивается с кавалером и возвращается к старым друзьям. И к матрешкам.

– И опять спит со всеми?

– Нет, теперь строгая очередность. Месяц она верна одному. Месяц другому. Потом разочаровывается и переходит к третьему.

– Какая-то хипповая коммуна, – покачал я головой. – А на криминал больше не подписываются?

– Была с год назад информация, что они подставили Наташу под итальянца. В самый сладкий миг она начала кричать, что ее насилюют, тут добры молодцы нагрузили гостя на пять сотен долларов за обиду. Но заявления не было. Итальянец укатил. Дело возбуждать не стали... А вот драки – постоянно. Особенно любитель этого дела Валуй. Его Хорек все время заводит. Затеет свару, а сам в сторону. В результате Валуй три раза на пятнадцать суток устраивался. И дело по хулиганству возбуждали, но сошло на тормозах. Прирожденный баклан. Скандалит в основном около бара «Комета».

– Они там заправляют?

– Раньше там заправляли «аккумуляторщики» – шпана с аккумуляторного завода. Они рэкетировали «матрешечников». Но ихнего полку сильно ubyло, повязали – взяли мы кого за грабеж, кого за что. Теперь в баре авторитеты Тимур с командой.

– Они вместо «аккумуляторщиков» рэкетом не займутся? – осведомился Железняков.

– Без них есть кому заняться. Вон, кукушинские уже год на площадь зуб точат.

– Вы отработали этого Валуева со товарищи? – спросил я.

– В первую очередь, – произнес Масляненко. – Ни из кого ничего не выжали. Малыш только сболтнул, что Рома спрашивал его, кому выгоднее загнать тонкое золото. И показывал медальон. На вопрос, откуда Лазутин его взял, Малыш не ответил, сказал, что понятия не имеет. Но видно, что врет, собачий сын.

– Уже что-то.

– Еще говорят, что смерть Лазутина сперва Малыша не огорчила. Но через день он стал как в воду опущенный. И кто-то ему губу разбил.

– Знает он убийцу, – прищелкнул я пальцами.

– Может быть, – согласился Масляненко. – В камеру его, что ли, опустить?

– Успеется, – отмахнулся я. – У меня есть идея получше.

* * *

«Русская водка, черный хлеб, селедка» – звучал из динамиков голос очаровательной Вики Цыгановой.

«Комета» – двухэтажный, средней запущенности бар в центре города – работала до часу ночи. Большею частью здесь отдыхали от трудов праведных «матрешечники». Иногда забредали приезжие иностранцы, но надолго не задерживались, ловя на себе порой недовольные, а порой и изучающе-алчные взгляды. Цены по сравнению с московскими здесь выглядели вполне умеренными.

Часы показывали полдевятого. Негромко играла музыка. Неторопливо цедились через трубочку коктейли или опрокидывалась рюмками водка. Обстановка была спокойная. Внизу дежурили трое молоденьких милиционеров из батальона внутренних войск, они бросали грустные взгляды в сторону помещения бара и раздевали глазами короткоюбочных девиц, порой скрывая от них призывные взоры.

Я умял несколько бутербродов, миндальное пирожное и теперь неторопливо пил приготовленное на песке кофе, думая, сколько мне еще ждать. Пару раз пришлось отшивать дам, напрашивающихся на дармовое угощение. В эпоху экономических реформ дамы больше на хозрасчете. Уходят в прошлое времена, когда в баре можно без труда и без денег опереться на теплое женское плечо. Рынок выживает бесплатную кабацкую любовь. Хотя бывают и исключения. Третья дама, наметившаяся спикировать за мой столик, по-моему, не рассчитывала на деньги и выглядела вполне достойно. Но я на службе, которая днем и ночью. Да и не люблю я знакомств в барах. И сами бары не люблю. И не люблю, когда приходится дурнем просиживать в них часами, не зная, придут ли те, кого ты ждешь, или у них и мыслей таких нет...

Все-таки я дождался. В десятом часу запорхнула первая ласточка. Точнее, рыбонька. А еще точнее – Наталья Максимовна Рагозина. Белым лебедем она проплыла меж столов и приземлилась на стул, повесив на спинку сумочку. В полумраке она выглядела эффектно, но экипировка выдавала в ней полное отсутствие вкуса. Юбка чересчур коротка, кофта слишком ярка. И помады многовато. Для того чтобы сделать профессиональную карьеру содержанки, мало занять первое место на конкурсе красоты. Нужен шарм, умение выглядеть дорогой и изящной игрушкой, а не просто смазливой курочкой.

Вслед за ней появился Малыш – такая уверенная в себе коломенская верста. Чувствовали они себя здесь как у себя дома. Малыш принес коктейли и тарелку с едой. Его рука под столом дружески пожалала Наташину коленку, и я понял, что сейчас спит с «матрешечницей» он.

Следующее явление состоялось через двадцать минут. В помещение чинно вплыла рыба-кит, сзади подгребала рыба-прилипала. Валуи и Хорек собственными персонами. Они присоединились к своим товарищам. У меня возникло впечатление, что они все страшно наскучили друг другу. Сосали свои коктейли, иногда лениво о чем-то переговаривались. У Валуя вид был тупой. У Хорька – нахальный. Малышу, похоже, все на свете было до лампочки. Наташа же поджимала губы и что-то недовольно отвечала на вопросы, демонстративно изучая пустой бокал. По-моему, ее ухажеры надоели ей еще больше, чем она им. Даже со стороны чувствуется, когда женщине становится безумно скучно и она готова выйти в бушующее море под открытыми парусами, обрубив резко швартовы. Время от времени она скользила по залу глазами и опять возвращалась к изучению бокала, будто это по меньшей мере сосуд времен египетского фараона Рамзеса Второго.

Я нашел себе занятие по душе – начал пялиться на Наташу. «Посмотри на меня», – мысленно приказал я. Иногда получается. По-научному это именуется суггестия – внушение посредством взгляда... Наташа оторвалась от бокала и посмотрела на меня. Кто теперь скажет, что я не мог бы стать Кашпировским, а то и Мессингом? «Улыбнись», – приказал я. Улыбнулась. И по этой улыбке я убедился, что девушка ищет очередного спонсора. Хотя бы ненадолго. Хотя бы на несколько дней.

Похож я на спонсора? Почему бы и нет. Одет вроде неплохо. Конечно, до трехсотдолларовых ботинок мне далеко, но я не уверен, что в «Комете» кто-то разбирается в трехсотдолларовых ботинках. Это вам не московский элитный кабак, где можно мило посидеть на пару тысяч зеленых. «Матрешечницам» подобные масштабы не снились. Так что на общем фоне я одет вполне прилично. И внешне в целом импозантен – крупный мужчина с ранней сединой на висках, возраст немногим более тридцати. Сойду за нового русского. Или за старого разбойника, что одинаково почетно. Я вполне заслуживаю того, чтобы мне строили глазки. Наташа была того же мнения.

С четверть часа мы сидели, переглядываясь и улыбаясь друг другу как придурочки. Наконец Наташа еще раз внимательно осмотрела свой стакан, встряхнула, убедившись в окончательной его пустоте, и отправилась к стойке. Я проследовал туда же.

– Жорж, – по-хозяйски властно распорядилась Наташа, – мне «Космос» с виски.

– И запишите на мой счет, – встрял я.

– Правда? – кокетливо передернула плечом она, скосив на меня лукавые пустые глаза. – А почему?

– Люблю покупать коктейль «Космос» и виски красивым девушкам. Я знаю толк в красивых девушках.

– Правда?

– Правда. Профессия. Вы не участвовали в конкурсах красоты? Не пробовались на фото-модель?

– Участвовала. Первое место в городе, – встrepенулась Наташа. К ней возвращался интерес к окружающей действительности. Я затронул любимую тему. – А что?

– Вы хорошо подходите по стандартам. И кроме этого, у вас выразительно-индивидуальное лицо, хорошая фигура. Даже обидно, что вы участвуете в конкурсах в этой дыре.

– А где еще?

– Хотя бы в Москве. Имею отношение к этому бизнесу.

– Отпад, – только и прошептала Наташа и ненароком приблизилась ко мне, коснувшись плечом. Господи, прости меня за то, что приходится молоть такую чепуху. Работа, ничего не поделаешь.

– Кстати, Алексей.

– Наташа.

Тут сзади возник Малыш с недовольной миной на лице.

– Чего ты тут расселась? – спросил он.

– Говорю с Алексеем, – вызывающе ответила Наташа. – Он из Москвы.

– Ну и плыл бы брассом в свою Москву.

– Позвольте мне решать самому такие вопросы, – зевнув, произнес я.

– Слышь, клоун столичный! Чем быстрее отвалишь, тем целее будешь.

– Ты с рождения такой дурной или башенный кран на башку рухнул?

Малыш задохнулся от возмущения, а потом произнес сдавленно:

– Ну ты... Пошли выйдем, сучара!

– Э, господа, – заволновался бармен, – только не здесь. Пожалуйста.

– Пошли выйдем, кому говорю, – Малыш приблизился.

– А стоит? Я не ветеринар. Мне животные неинтересны.

Малыш примерился, как бы мне удобнее въехать, но тут возникло еще одно действующее лицо.

– Оставь его, Малыш. Пока оставь.

Валуи при этом обдал меня таким взглядом, что я понял – надолго он меня оставлять не намерен.

Малыш схватил свою даму и поволок к столику. Она негромко чертыхалась, но шла. Усевшись на место, она надулась, один за другим глушила коктейли, демонстративно игнорируя светскую беседу и нервно барабанила по столику пальцами...

Пора. Я встал и, покачиваясь, направился к выходу. Краем глаза заметил, что одноклассники тоже начинают собираться, Наташа пытается удержать Малыша, а тот, обхватив за запястья, отдирает ее от себя.

Ночь. Ущербный диск луны. Прохладный ветерок, пытающийся забраться под пиджак. Народу на улице немного. Маячат под фонарем два молоденьких милиционера. Охраняют наш покой. Так что около бара зона безопасности.

Я направился вдоль улицы, дыша свежим воздухом. Вечерний моцион – один из залогов здоровья. Тимур и его команда так не считали. У них было свое мнение по поводу данного вечера, прогулок при луне, а особенно моего здоровья.

– Э, стой, приятель, – послышался сзади глухой бас, принадлежащий Валуи.

«Приятель», кажется, это я. Ну что же, почему не постоять, если народ просит. Я обернулся и прижался к стене. Место было неплохое, укромное. Проходной дворик, арка, жестяная дверь магазинного склада, желтая лампочка, отбрасывающая жидкие тени и не слишком хорошо разгоняющая вечернюю темень.

Держалась команда спокойно. Ребята считали, что загнали дичь, никуда ей не деться, а потому и торопиться не стоит. Они окружили меня полукольцом и открыли дискуссию – долгую и никчемную.

– Ну что, пиджак, ты в минусе? – хрюкнул Хорек довольно – только от радости не подпрыгивал.

– А ты математик? – решил поддержать я умную беседу.

– Вот падла, – начал возбуждаться Хорек.

– Короче, вам чего, карапузы?

От такого нахальства они слегка обалдели. Так не ведут себя люди перед тем, как их размажут по стенкам тонкой пленкой.

– Ты что, обурел, мужик? – осведомился Малыш. – Крутой, да?

– Есть такое.

– Еще раз в «Комете» твою рожу увидим – заказывай гроб с музыкой... Все, ребята, пошли, – махнул рукой Малыш.

– Ты че, Малыш, опух? – не поверил своим ушам Хорек. – Он Натаху при всех лапает, а ты – пошли.

Дискуссия вошла в стадию выяснения отношений в группе. Моя личность начинала отходить на второй план.

– Хватит с него предупреждения, – отмахнулся Малыш, и я понял, что ему вовсе не хочется, чтобы я ползал по асфальту, размазывая кровь и слюни, и чтобы по моим ребрам гуляли башмаки с железными набойками. Не все человеческое тебе, Малыш, видать, чуждо. И тормоза у тебя в голове еще есть. Но двум прирожденным бакланам – Хорьку и Валую – тебя не понять.

– Все, козел винторогий, туши свечи, – Валуй шагнул ко мне.

– За козла отвечаешь? – осведомился я.

Он ответил – ударом волосатого здорового кулака в ухо. Бил он с криканьем, по-деревенски, чтобы снести разом и забыть об этом деле. Молодецкий замах, богатырская силушка – кто ж устоит? В пивном баре такая тактика сошла бы. Он привык биться в подворотнях и надеяться на мышцы. И бил неправильно. Так не бьют. От таких ударов опытные люди уходят нырком. А потом бьют в ответ. Коротко, без размаху, профессионально. И такие ответные удары прописывают минутку-другую отдыха на земле. Мастер-полутяж по боксу может врезать хорошо. А, на мое счастье, я и был тем самым мастером-полутяжем.

Валуй уютно устроился на отдых. Потом у него еще будет время изучить асфальтовое покрытие, привести в норму резкость в глазах, научиться стоять на ногах. Вряд ли он захочет продолжить бой. Теперь две проблемы – Малыш и Хорек. Последний держал в руке короткую свинцовую трубку. За это получил в живот ногой и тоже устроился на отдых.

Малыш бросился на меня. Двигался быстро, проворно. Но недостаточно быстро и проворно для спарринга со мной. Он довольно красиво провел боковой удар ногой в голову. Фортель, чреватый неприятностями. Опытный рукопашник никогда не бьет ногой выше пояса. Малыш понял свою ошибку, когда я подцепил его ногу. И последний мой противник устроился на земле. Он попытался вскочить, тут же получил каблуком по бедру и кулаком в глаз.

Хорек продышался и потянулся к своей железяке. Опрометчивый поступок с его стороны. Я отшвырнул железяку ногой, взял Хорьку за ухо, приподнял.

– Ты чего? – нахально-побитым голосом заскулил он.

– Да так, ничего.

Его физиономия впечаталась в асфальт.

Я постоял, подождал, пока народ очухается. Хорек отполз в сторону и скулил так, будто уже почти умер. Ему просто не хотелось показывать, что он способен встать на ноги. Малыш сидел на земле, держась за лицо. Валуй замычал и попробовал приподняться. После нокаута земля – не слишком твердая поверхность. Вестибулярный аппарат барахлит.

– Брр, – Валуй встряхнул головой.

Я приподнял его и прижал спиной к стене. Потом вынул «вальтер», передернул и вставил ствол ему в рот.

– Ну и кто из нас козел?

Валуй промычал что-то неопределенное.

– Не слышу.

– Я козел, – прошепелявил Валуй, когда ствол пистолета вылез из его рта и устался точно в лоб.

– Винторогий... Еще тумачков захотите – обращайтесь, – предложил я напоследок, засовывая пистолет под мышку...

* * *

«Бродяга умный», – с акцентом пел Газманов где-то в глубине магнитофона.

Тимур и его команда были на месте. Они сидели за тем же столиком. На лбу у Хорька была длинная царапина. У Валую губы покрылись кровавой коркой. Лицо Малыша украшал припудренный синяк. Наташа выглядела лучше всех, но не походила на человека, довольного жизнью. Половину ее лица закрывали черные очки, она их не хотела снимать даже в полумраке бара. Мое появление было воспринято индифферентно. Вся компания как-то сразу начала смотреть в другую сторону, будто там было что-то интересное. Хотя ничего интересного там не было и быть не могло.

– Бутылку мартини и лед, – потребовал я.

Прихватив бутылку и тарелку со льдом, я направился к честной компании. Со стуком поставив заказ на стол, я уселся рядом с Валуем.

– Привет, граждане хулиганы.

– Здравсте, – произнесла Наташа, смотря в сторону.

Остальные меня упорно игнорировали.

– Обижаетесь? Сами же начали.

– Тебе чего надо? – спросил Валуй. – Вчера сделал нас. Завтра еще посмотрим, как обернется.

Говорил для понту, чтобы сохранить лицо. Хотя видно было, что ему очень хочется сейчас оказаться где-нибудь в другом месте.

– А теперь слушайте, парни, – произнес я негромко. – Будете хамить, нагрузу за вчерашнее каждого на тысячу баксов. Чтобы впредь знали, кого куснуть вознамерились.

– Крутизна, – прошипел Валуй. – Здесь тебе не Москва.

– Точно, – согласился я. – Здесь похороны дешевле.

Я резко вдавил каблук в ногу Валую под столом и, наклонившись к нему, прошептал:

– Еще слово, козел, и завтра примочку свинцовую проглотишь.

Валуй поморщился от боли. И заткнулся.

– В общем, забудем о грустном. За знакомство. Разлей мартини, – кивнул я Валую.

Тот нехотя подчинился.

– Алексей, – представился я.

– Павел! – с энтузиазмом воскликнул Хорек.

– Наташа, – произнесла экс-королева красоты, сняла очки, чтобы протереть стекла, и я понял, почему она их носила. Под левым ее глазом пристроился правильной формы синяк. Кто-то из одноклассников посчитал ее виновницей за позор и решил, что не одним им с битыми мордами ходить.

– А тебя? – посмотрел я на Валуя.

– Тимур.

* * *

Железняков окинул взором мой просторный номер, расположенный на седьмом этаже интуристовской гостиницы, и оценил его:

– Отлично. А у меня в номере во всех углах тараканы, раковина в углу, кран течет и все время капли о металл. Четыре в минуту – я замерял.

Да уж, на пятьсот пятьдесят рублей гостиничных, которые выделяет наша контора командированным, когда гостиницы начинаются от полутора тысяч, не разгуляешься.

– Меня положение обязывает так жить, – заявил я.

– Положение? Ничего, что я на «ты»?

– Не страшно, – успокоил я его.

– А пиво «Арсенальное» подойдет? Или вы только английский эль уважаете? – Железняков вытащил из портфеля четыре бутылки.

– Подойдет. Люблю туземную экзотику.

Железняков взял со стола ключи и профессиональным жестом сорвал пробку. Он уселся в кресло, положил ногу на стол и сделал из горлышка большой глоток. Я тоже откупорил бутылку, налил содержимое в бокал и расположился напротив моего боевого товарища.

У оперов три профессиональных напитка: кофе вечером, когда работа затягивается и ей не видно конца и края, пиво днем, ну и водка – это национальное, для расслабухи.

– Рассказал бы о своих успехах, – предложил Железняков.

– Внедрился. Вошел в доверие. Буду работать.

– Внедрился... Этот твой сумасшедший стиль работы. Лезешь в пекло. Притом не ради дела, а чисто для интереса – как оно там будет. А если бы они тебя сделали?

– Они? Меня? Ты серьезно?.. Зато теперь они меня боятся. Сразу себя поставил. Страх порождает уважение.

– Не лечи меня-то! Тебе просто нравится драться.

– Не так чтобы очень...

– Кровь. Мордобитие. Это что, стиль работы? По-людски надо.

– Слышали уже.

К тридцати девяти годам Егор Железняков окончательно сформировался в изредка встречающийся тип оперативника – в опера-гуманиста. «Преступник – тоже человек, к нему надо помягче, почеловечнее», «Добро добром отзовется», «Они же не с рождения бандиты, их такими судьба сделала, жизнь наша поганая», «Жертвы социальной несправедливости» – вот некоторые из расхожих постулатов опера-гуманиста. Железняков неустанно таскал в изоляторы еду, сигареты. Злодеи плакались ему о своей пропащей жизни. Законченным гуманистом Егор стал после командировки в Афганистан. Чем там занимался – об этом он предпочитал не распространяться, только время от времени выдавал сентенции типа «моджахеды тоже люди, к ним тоже по-человечески надо было».

– По-моему, мы зря время теряем. Нам так холку намылят, – он взмахнул рукой. – Зарплату милиции платить нечем, а мы такие хоромы снимаем. Деньги с «девятки» на ветер. Бабушка надвое сказала, что Малыш знает убийцу. И что ты через него на этого убийцу выйдешь. И что убийца захочет продать награбленное.

– Еще как захочет. Куда он кило антикварного золота денет? Если с Ромой Лазутиным связался – значит, сильно жизнь прижала.

Действительно, куда нести грабителю антиквариат? На толкучку в Измайлово? В антикварный магазин? Дать объявление в газете? Тут его и заметут. Обычно «антики» воруют по заказу. Простому грабителю уникальную вещь без риска никогда не продать. Существуют люди, которые хотят реализовать награбленное. Есть те, которые хотят его купить. Но искать они друг друга могут всю жизнь, да так и умереть, не увидевшись. Недавно мы нашли похищенную несколько лет назад из Кунсткамеры коллекцию индийского холодного оружия, которая в начале века была подарена Николаю Второму, а в конце века тянет на все пять миллионов долларов. Коллекция так и пролежала мертвым грузом все годы из-за того, что вора не удалось найти покупателя. Для решения подобных проблем существуют посредники или скупщики краденого. Приобрести за одну десятую стоимости картину, продать ее за треть стоимости российскому коллекционеру или иностранцу для последующего вывоза – чистый, доходный бизнес.

– Чувствую, только время потеряем, – вздохнул Железняков. – Надо взять этого Малыша, пропустить через камеру.

– Где же твое хваленое человеколюбие? Как можно человека сажать в камеру?

– Если очень нужно, то можно.

Гуманные порывы души особенно не мешали Железнякову в работе. Если надо кого-то пристрелить, он пристрелит, потом поставит в церкви свечку и будет донимать своих товарищей новыми лекциями о пользе человеколюбия.

– «Аргументы и факты» последние видел? Оказывается, убийство Порфирьева – политическое, – Железняков вытащил из портфеля газету, в которую была завернута вобла. – Совсем забыл, – он разложил воблу на столе. – Закусывай.

– Спасибо.

– Вот, пожалуйста, – он разгладил газету и хлопнул по ней ладонью. – «Авторитетный источник в МВД сообщил, что версия политического убийства кажется наиболее реальной. Кому выгодно представлять гибель видного общественного деятеля как обычную уголовщину?»

– Чего это у них за источник такой?

– Понятия не имею. Переворошили шелкоперы все выступления Порфирьева, составили длинный список тех политических деятелей и сил, которым доставалось от него больше всех. «Это убийство пополнит число нераскрытых дел. Кому выгодно – главный вопрос. Будет ли на него ответ?»

– Какие же идиоты, – только и сказал я.

– Может, и идиоты. Но умные. Такую новую волну подняли. Вчера Семенычу и начальнику МУРа заместитель генерального прокурора мылил холку. Пока ты в подворотнях в свое удовольствие кулаками машешь, шеф меня утюжит по телефону и обещает спустить с нас семь шкур, если мы завалим комбинацию.

– А чего бы нам ее завалить? – отмахнулся я небрежно.

– Ох, интурист, хорошо, если ты прав...

* * *

Пожилая монашка в длинном черном одеянии охрипшим голосом кричит:

– Не курить! Ноу смокинг! Здесь вам не Америка!

Внимания на нее никто не обращает. Стайка увешанных фотоаппаратами янки пялится на голубые и золотые купола соборов и шелкает «Кодаками». На их лицах приклеенные раз и навсегда – с детства и до смерти – улыбки, глаза оловянные и ничего не выражающие. У них

вид людей, свалившихся с Луны. Тут же снуют быстрые и любопытные, как мангусты, японцы. Им до всего есть дело, секунда – они уже на ступенях, следующее мгновение – ощупывают старинные камни. Богомольные старушки, опираясь на клюки, бредут к святому источнику. Безногие нищие просят милостыню, недовольно ворча, когда в пакеты из-под молока ложатся монеты, а не бумажки. Идет торг иконками, духовной литературой и крестиками. Монастырь – один из оплотов православия, живет какой-то странной, благостной и вместе с тем выставочной, умиротворенной и суетной жизнью.

Даже замученная, очерствелая душа опера оттаивает при виде потрясающе красивых куполов, ажурных колоколен. Становишься посреди соборной площади, вдыхаешь полной грудью наполненный весенними ароматами воздух и осознаешь, что вся наша мирская сумятица немногого стоит. Все наши стремления, страхи, треволения, войны – лишь круги на воде истории. И понимаешь, что вечна матушка-Россия. Вечен наш мятущийся русский дух.

Я ознакомился с монастырскими запасниками – в недавнем прошлом музеем атеизма. Совсем размяк. Расчувствовался. И с удовольствием бы забыл, зачем сюда пришел. Но надо срочно настраиваться на рабочий лад. Вперед. Путь мой лежит на площадь – главное место работы самодельных художников и «матрешечников».

Площадь перед монастырем заставлена машинами и туристическими автобусами. Туристы тянулись к массивным воротам, в которые ломались еще татаро-монгольские полчища.

У синего, похожего на елочную игрушку автобуса с затемненными стеклами строгий гид считал по головам выстроившихся в шеренгу немцев – в основном старушек и старичков-одуванчиков, из тех, которые, похоже, еще воевали под Сталинградом.

«Матрешечники» и сувенирщики стояли длинной шеренгой, предлагая свой товар. Некоторые торговали с машин, некоторые устроились уютно на складных стульях перед складными столиками. Иностранцы, развесив уши и выпучив глаза, любовались на «русиш экзотик», образцы искусства туземцев заснеженной загадочной страны. Якобы Палех. Якобы Мстера. Якобы Федоскино. На мой взгляд человека, давно имеющего дело с искусством, матрешки, шкатулки, пасхальные яйца были весьма далеки от канонов. Слева от «матрешечников» сидели художники, предлагавшие картины с изображением монастыря или экспресс-изготовление портретов. Пара портретистов были весьма неплохи.

Ба, а вот и оно – знакомое битое лицо. Принадлежит Малышу. Он напористо раскручивал долговязого, пестро одетого иноземца на покупку большой аляповатой матрешки. В пакете жертвы уже лежали шкатулка и макет собора. Рядом с Малышом я различил еще один знакомый лик – тоже битый, тоже с синяком, прикрытым черными очками. Это лик Наташи.

Иноземец слабо отталкивал от себя матрешку, но Малыш, бойко щебеча на ломаном английском, развивал наступление. Наконец турист сдался, положил матрешку в сумку, отключив несколько «деревянных» купюр и отправился прочь, раздумывая, на много ли его надули. Судя по довольному выражению Малыша, надули прилично.

– Привет нэпманам, – сказал я.

– Здравсте, – проворковала Наташа.

– Привет, – кивнул Малыш.

– Как торг идет?

– Ни то ни се, – недовольно произнес он. – Вон, петух гамбургский – первый за сегодня. Я ему говорю – полсотни, а он мне – десять баксов. За десять баксов ему пусть негр ламбаду пляшет! На тридцати порешили.

– Долго еще тебе здесь?

– Валу с Хорьком через полчаса сменят.

– Давай по пивку вдарим. Разговор есть. А пока Наташа за тебя посидит.

– Не знаю...

– Наташа посидит. Правда? – посмотрел я на девушку.

Она обиженно поджала губки, хотела что-то возразить, но я заткнул ее очаровательный рот шоколадом «Виспа», с которым, поговаривают в рекламе, можно делать то, что тебе нравится. Наташа же вынуждена была делать то, что ей совершенно не нравится. Но тут уж ничего не попишешь. Мне нужна вовсе не она, а Малыш.

Пивбар располагался недалеко от монастырской площади. Народу там было немного. Я взял пару кружек пива, и мы приземлились за свободный столик. Такая жизнь – то с Егором пиво пей, то с Малышом. Тяжела милицейская доля.

– За встречу, – поднял я кружку.

Малыш ополовинил ее, откинулся на спинку стула. Потрогал саднящую рану под глазом.

– Здорово ты меня приложил.

– Это тебе урок – не знаешь, что перед тобой за морда, не лезь в нее кулаком. Вам еще повезло, что человек добрый попался. А то бы вас в морге давно обмыли.

– Ты где так бить научился?

– Было где. Сам-то ты, вижу, спортом занимался.

– Первый разряд по волейболу. И еще пояс по карате.

– Хорошо, наверное, жить в городе-музее? – Я отхлебнул пиво. – Красиво.

– Дыра, она и есть дыра, – недовольно пробурчал Малыш. – За копейки настоишься на морозе. А денег – кот наплакал. Разве это жизнь?

– Ищи профессию по душе.

– За станок? Так в городе половина заводов стоит. Вообще-то я в институте учился. Еще в школе призовые места на республиканских олимпиадах по химии брал. Надежды подавал, так говорили, – криво усмехнулся Малыш. – Закопал талант. А на черта он нужен? На заводе за сто пятьдесят баксов пахать, да и те не получишь... На курсе моем были парни, тоже из подававших надежды. Одному ногти вырвали, затем гитарной струной удавили, труп сожгли. Двоих посадили. Они «Крокодил» делали.

– Триметилфентанил?

– Ага. Наркотик. Лучший синтетик. Не, мне не надобно ни вашей наркоты, ни вашей работы на дядю. Мои родичи всю жизнь заводу отдали. Отец – ведущий конструктор был. А сейчас? Без денег, без работы. Правда, говорят, ветеранам труда новые льготы скоро будут.

– Какие?

– Переходить улицу на красный свет. И заплывать за буйки.

– И бить кирпичом по взрывателю бомбы.

– Ага... Так что дорога у нас – или в «матрешечники», или в палаточники, или в рэкет. Приличный бизнес – там бывшие комсомольцы и блатная братва засела. Нам же куда податься?

Да, нытик ты, Малыш. Я прикончил первую кружку и принес еще две.

– У меня бронхит хронический, – продолжал нудить Малыш. – Мне нельзя зимой на этой чертовой площади стоять. Мне это все обрыдло. Дерьмо все. Сил больше нет.

– Не все так плохо, Альберт. Станешь почетным «матрешечником». И дети твои будут «матрешечниками». И внуки. Династия.

Малыш только махнул рукой, вздохнул, отправил в рот целую креветку и ожесточенно перекусил ее.

– А что я могу?

– Ничего. С такой компанией ничего. Два приятеля твоих – мандавошки черномыльские. Дешевки. Пятнадцатисуточные прирожденные. Способны только взять кого-нибудь на гоп-стоп и тут же попасться. Полет нужен. А ты ползаешь.

– А? Эти полеты при луне... У меня дружок долетался. Горло перерезали.

– Что за дружок?

– Да есть такой... Был... Рома Лазутин.

– И на чем крылья этот Икар подпалил?

- На золоте.
- На золоте – это бывает. Это дело хлопотное. Дело тяжелое. Не понаслышке знаем. Мы допили пиво. Вышли из бара.
- Давай подброшу до площади, – сказал я, распахивая дверцу глазастого «Мерседеса».
- Твоя? – удивленно спросил Малыш.
- Нет. Деда Мороза.
- Отличная тачка.

Я придерживался того же мнения. Мы изъяли ее два месяца назад при разгроме подмосковной группировки. От этой безделушки все отказались. По системе «Автопоиск» она как краденая не проходила. По интерполовским банкам данных – тоже. Откуда взялась? Может, собрали по частям под Москвой в сарае? Загадка. Вместо того чтобы оставить ее гнить на специальной стоянке, мы решили попользоваться боевым трофеем для создания убедительной легенды.

Я проехал два квартала до площади. Прижал машину к бордюру.

– Еще увидимся, Альберт. Может, прикину, к какому делу тебя приобщить. Есть у меня кое-какой интерес.

– Дело-то хоть не людей убивать?

– Нет. Тут ты слабак. Толка никакого. Но так сообразительный. И город знаешь. Можешь пригодиться.

– В криминал не полезу.

– Что за безумные предположения? Какой криминал?!

– Я лучше по матрешкам, – без всякого энтузиазма воспринял мое предложение Малыш.

– Ладно, я еще пару дней здесь пробуду. Поговорим.

* * *

Жизнь полосата – этот факт проверенный, подтвержденный опытом бесчисленных поколений хомо сапиенсов. Успехи и неприятности сменяют друг друга. Но Малышу казалось, что сейчас его жизнь представляет собой уходящее к горизонту чернильно-черное шоссе. И с него не сойти на обочину, не свернуть на объездной путь.

Самые дурные мысли одолевали Малыша, когда он смотрел в зеркало на свое роскошное, созданное для журнальных обложек лицо, сильно подпорченное ссадиной в уголке рта, начинающим желтеть синяком под глазом и новым синячищем повыше скулы. Никогда его не били так часто, как в последнее время. Точнее, его вообще редко били. А тут – какой-то нескончаемый кошмар. Синяки – это дело проходящее. Есть кое-что и похуже. И вот тут хочется взвить зимним волком на полную луну.

Малыш плеснул горсть воды в зеркало и с размаху саданул кулаком по стене, от чего та заходила ходуном, а по розовой плитке паутиной разошлись трещины.

– Сволочи, – прошептал он.

Что делать? Петлю на шею – все проблемы останутся тут и не будут касаться его никаким краем. Нет, лучше горсть снотворного. И нет черного шоссе. Ничего нет... Подобные мысли посещали его и в лучшие времена. Надоело скольжение по жизни, когда не за что уцепиться, когда дни пролетают верстовыми столбами за окном полутемного вагона... «Эх, знал бы кто, какие черти водятся в этой голове», – подумал он. Какие желания порой овладевают и требуют действия... Лучше всего, конечно, выйти на балкон и перевеситься через поручни. Порхнуть птицей в ночь с балкона.

Стоп, приказал себе Малыш. До добра подобные фрейдистские закидоны не доведут. Он встряхнул головой, промочил лицо холодной водой. Потом еще раз. Способность владеть

собой и своими побуждениями возвращалась. Но если так дальше пойдет, когда-нибудь черти в душе окажутся сильнее и... Хватит маяться дурью! Надо думать, что делать...

Подкараулили Малыша вечером около его дома. Промежуток между двумя корпусами – темное, удобное для разборок место. Их было двое.

– Привет, Малыш, – сказал невысокий рыжий живчик. – Мы уже заждались. Думали – не случилось ли чего...

Он хлопнул Малыша по плечу левой рукой, в правой щелкнул кнопочный нож с длинным лезвием. Второй, широкоплечий бородатый «бочонок», зашел с другого боку.

Сердце екнуло и устроилось где-то в солнечном сплетении. Малыш прикусил губу. Он попытался прикинуть, как сбить живчика с ног и рвануть на шоссе. Но тут решимость, и без того невеликая, была сломлена видом пистолета, смотрящего в его сторону.

– И не думай дернуться. Убью, – буднично посоветовал бородач.

Малыш в честном бою показал бы этим двоим, где раки зимуют. На ринге, на татами – мало бы им не показалось. Да и сейчас, если бы не сжали с двух сторон. Карман его оттягивал кастет – от шпаны отмахиваться. Можно было бы и тут побиться. Можно было бы... Но нельзя. Слишком слабы ватные ноги. Слишком пусто внутри. Слишком явственно представляешь себе, как длинное лезвие впивается в твою печень, а пуля из «макарова» разворачивает внутренности.

– Вам чего, мужики? – спросил он вдруг севшим, не своим голосом.

– Мужики на зоне бензопилой работают. Пошли, сосунок, перетрем накоротке.

Недалеко их ждали «Жигули». Молчаливый водитель, не проронив ни слова, тронул машину вперед.

– Твой кореш Рома взял у нас аванс шесть тысяч «зеленых», – сообщил рыжий. – Обещал медальон шестнадцатого века и еще антикварное рыжевое. Ни медальона, ни Ромы.

– А я при чем?

– При чем? Рома сказал, все через тебя делается. И деньги тебе отдал. Так что с тебя восемь тысяч «зеленых». Две – за просрочку.

– Охренели?!

Тут Малыш получил второй синяк. Бил бородатый со знанием дела, резко и без размаха.

– Врать нехорошо, – покачал головой рыжий.

– Кто же Роме авансы дает? Он долги никому не возвращает, – проскулил Малыш, потирая больную скулу.

– Нам бы вернул. Нам все возвращают. Если, конечно, на тот свет не торопятся.

– Гадом буду, ничего он мне не говорил. Хоть убейте.

– На дурика мы на народ не наезжаем, – сказал рыжий. – Чужого нам не надо. За свое горло перегрызем. Мы справки навели. В доле ты с Ромой. Однозначно. Пять дней тебе. Потом счетчик включаем. Через десять дней червонец должен будешь.

– У меня нет таких денег!

– А, так бы сразу и сказал, – кивнул бородатый и перещелкнул затвором пистолета.

Выстрелит, решил Малыш. Тут прямо и завалит. А потом отвезут за город и кинут в реку с кирпичами на ногах. Им ничего не стоит.

– Я постараюсь, – проклиная все на свете, неживыми губами прошептал Малыш.

– Постарайся. В милицию не ходи – они тебе не помогут. На братву тоже не надейся.

Ищи деньги.

– Найду...

Малыш еще раз посмотрел на себя в зеркало, расчерченное стекающими струйками воды.

– Жизнь моя жестянка.

Он чувствовал себя одним-одинешеньким во всем мире. Восемь тысяч долларов. Где их взять. У Хорька? Как же, он за цент удавится. Валуй? Наташа? Смешно. Машину продать? Так недавно ее стукнул, в гараже стоит без движения, больше тысячи за нее не получишь.

Больше всего хотелось сейчас заснуть и, проснувшись, узнать, что все проблемы решились сами собой. Вот только бывает ли так?

* * *

– Здравствуй, красавица, – произнес я, нацепляя на лицо самую обворожительную из своих обворожительных улыбок.

– Здравсте.

– Я бы на месте властей запретил тебе здесь торговать.

– Чегой-то?

– Ты затмеваешь своей красотой блеск куполов.

Господи, чего только не приходится молотить ради исполнения служебного долга!

– Ох, языкастый, – хихикнула сразу повеселевшая Наташа. Сказано это с интонациями не королевы красоты, а деревенской девчонки на завалинке между лузганьем семечек.

– Где твой кавалер?

– В кавалерии, – хмыкнула она. – Решил ускакать от меня куда подальше.

– Он готов покинуть такую женщину?

– У него чердак поехал. Ходил, клячил и у меня, и у ребят деньги. Шесть тысяч баксов – и ни копейки меньше! Точно, на солнце перегрелся. Где мне столько взять? Я на панели не стою. Не нашел денег и решил – ту-ту-у, – она махнула рукой.

– Сколькйо стоит? – протянул тощий иностранец в майке, плексиглазовой кепке и шортах. Ох, эти импортные штучки. Это ж надо – в апреле в шортах ходить.

– Яйцо? Двадцать долларов, – улыбнулась Наташа заискивающе. – А вот матрешка – Горбачев, Ельцин, Путин, Зюганов и Жириновский – один в другом. А вот американский президент и английский премьер.

– Это настоящий качествен?

– Еще какой! Мастера делали! У вас в Нью-Йорке такого сроду не было.

– Ноу Нью-Йорк. Глазго. Были Глазго?

– Нет. Но хочется.

– Могли бы осудить эйтот вопрос.

– Бери матрешку, и обсудим.

Наташа мастерски впарила любвеобильному жителю Глазго полпакета деревяшек, заверила, что подумает о встрече с ним, и он удалился счастливый.

– Достали, черти нерусские. С каждым встреться. Каждый зовет. Ну их в болото со своими Глазго. Мне наши мужики больше нравятся, – она потянулась и искоса выжидательно посмотрела на меня. Я погладил ее по руке, растянув рот до ушей.

– Зачем Малышу столько баксов?

– Должен, говорит, кому-то.

– Дай-ка мне его адресок...

Жил Малыш через реку в микрорайоне при заводе «Октябрьский». Открывать он мне не хотел, шуршал за дверью, смотрел в глазок и наивно пытался создать впечатление, что никого нет дома.

– Открывай, дружище. Это Алексей.

Еще раз мигнул глазок. Малыш убедился, что это я, и защелкал замками, зазвенел цепочкой. Он действительно собирал чемодан.

– Пора в дорогу, старина, подъем пропет, – процитировал я старую туристскую песню, кивнув на чемодан. – От кого бежишь? От себя или от людей?

– От б...й, – коротко и невежливо ответил Малыш, всем видом вопрошая – какой черт меня сюда занес?

– Кто матрешками торговать будет?

– Пушкин.

– А ты, как Лермонтов, на Кавказ? Шесть тысяч баксов искать?

– С чего ты взял?

– Твои кореша поведали... Да не строй морду, как раскулаченный середняк. Лучше приготовь кофе с молоком. Подумаем, чем тебе помочь в горе.

Малыш поведал мне жгучую историю, как с него требовали восемь тысяч, о которых он ни ухом ни рылом.

– Почему они к тебе пришли? – спросил я.

– Рома что-нибудь ляпнул перед тем, как ноги протянуть.

– Что-то ты юлишь. Выкладывай все.

– Выкладывать нечего. Рома действительно подходил ко мне. Говорил, что старое золото есть. Неплохо бы денежного гамбургера подыскать, чтобы его подороже толкнуть. И показал медальон. В город иностранцы, бывает, за стариной приезжают. Можно покупателя найти, у меня такие возможности имеются. Потолкался я. С Ромой паре человек медальон тот показывали, но в цене не сошлись.

– Вот те братишки и решили, что у вас с ним одна шайка. На тебя его долг повесили. Все логично. Долги надо платить. Дело святое. Если сказали, что пришьют, – ты им верь. Пришьют.

– Пускай найдут сначала.

– Ты на Юпитер собрался? Или всю жизнь собираешься хорониться? Бомжевать по городам и весям? Злой, голодный, вонючий и никому не нужный.

– Зато живой.

– Ну да. Бомжиху себе найдешь... Не куксись, матрешкин конь! Разводить надо эту ситуацию, а не на паперть в Краснодар собираться.

– Тогда дай шесть тысяч. Отдам с процентами.

– Деньги невелики. Но благотворительность – удел безумных миллиардеров. Попробую помочь тебе. А ты поможешь мне.

– Как?

– У меня хобби. Покупать старинные безделушки у людей, которые по ряду причин не могут их продать за полную стоимость. И сбывать их людям, которые не слишком заботятся о чистоте товара.

– Скупаешь ворованное? Барыжничаешь?

– Грубо звучит... Через твоего покойного друга кто-то пытался сбыть товар. Притом неплохой. Сто лет этот «кто-то» будет искать канал сбыта. И под конец засыпется. Ты сводишь меня с хозяином медальона. Получаешь процент. И возможность участвовать дальше в делах. Я о тебе поспрашивал – на милицейского стукача не тянешь, потому что ты милиции неинтересен. Парень ты обаятельный, контактный. Подойдешь.

– Все это хорошо. Но у меня через три дня счетчик начнет шелкать.

– Не бойся. Скорее всего, эти парни все же решили на дурика проехаться. Бородатый, как ты его мне описал, кой-кого напоминает. Скажи, что с Ромой вы работали на людей Гоги Ростовского. И они согласны утрясти этот вопрос. Пускай «стрелку» забивают, тогда поговорим.

– А они меня сразу не порежут?

– Нет. Так не принято.

– Надо подумать.

- Нечего думать. Разбирай чемодан.
- Малыш потянулся к чемодану.
- Да не сейчас! – прикрикнул я. – Ты меня так кофе и не напоил.
- Один момент, – Малыш заметно приободрился...

* * *

Жучков, промышляющих частным извозом у вокзала, как потенциальный конкурент я не интересовал. Трудно представить чудака, зашибающего червонец-другой на глазастом «Мерседесе», стоящим пятьдесят тысяч долларов, хотя после дефолта всяко бывает. Я пристроил машину за такси и «Москвичами», «Жигулями» извозчиков, развалился на мягком, обволакивающим сиденье и слушал лазерный диск – тоже наш боевой трофей.

«Братва, не стреляйте друг в друга», – призывал хрипловатый голос бандитскую гильдию. Последователей гуманных идей певца было не так много. Братва продолжала стрелять друг в друга – ежедневно и еженощно. И не только друг в друга, а и в тех, кто подвернется под руку. Например, в коллекционеров-писателей.

Вскоре ожидался московский поезд, водители ждали клиентов. Ждали клиентов и продавцы коммерческих палаток, и парочка нищих. Бомжиха, валявшаяся под бетонным забором, не ждала никого. Да она и не пользовалась спросом. Милиционеры обходили ее стороной: долг есть долг, но тащить такую вонючую кучу подпорченных временем костей и мяса – кому охота. Я тоже ждал клиента. Надеялся, что он придет. Надежды питают не только юношей, но и оперов.

Время вышло. Полдень. Где же ты заблудился, мой клиент? Да будет легка и услана розами твоя дорога ко мне. А уж о шипах мы позаботимся...

- Здорово, – прохрипело нечто большое, чем-то напоминающее человека, позади меня.

Я засек его, когда он пересекал вокзальную площадь. Мне хотелось, чтобы это был долгожданный клиент. Ведь он так походил на того шустряка, который выпустил кровь из Лазутина.

- Не имею чести знать, – ответил я.

– Гы, – издал он маловразумительный звук. – Это, как его... Седьмой поезд придет вовремя?

– Если ему ничего не мешает, – отозвался я, прикидывая, какими идиотами, должно быть, мы оба выйдем со стороны, меля такую чушь. Игра в шпионов. Пароль – отзыв – произвольный набор слов. Вещь примитивная, но эффективная, позволяет проверить человека по системе «свой – чужой». Во всяком случае, теперь я знаю, что этот тип – тот, которого я жду с таким нетерпением.

- Садись, – я распахнул дверцу. Машина просела под тяжестью туши.

Клиент походил на гоблина из мультфильма о медведях гамми. Такой же здоровый, такой же «красивый» и, кажется, такой же «умный». Низкий лоб, тяжелая грубая челюсть, избыточный вес при росте под два метра и обильные татуировки на руках – перстни, русалки. На вид ему было за тридцать. Запах перегара и мешки под глазами говорили о том, что ему не чужды излишества в виде спиртных напитков. Одет он был в «фирму»: «космические» кроссовки, адидасовский спортивный костюм, разноцветную ветровку – по окрасу чистый попугай ара из зоо-сада.

– Гы, – снова издал он нечленораздельный звук и постучал рукой по сиденью. – Тачка – я хренею.

- Не жалуюсь.

– Николай, – протянул он мне широкую татуированную волосатую лапу. – Вес центнер, рука кувалда. Бью один раз, но смертельно, гы.

– Алексей, – мое рукопожатие было вялым. – Как кличут-то тебя в кругу людей порядочных, но расходящихся с законом, Коля?

– Пельмень. А чего, не нравится? Ежели не нравится, гы...

Это «гы» выражало у него весь набор эмоций – от радости до угрозы. Универсальное дикарское междометие. Главное, много слов запоминать не надо. Изрыгнул звук, на месте попрыгал, руками себя в грудь поколотил, и сразу всем все понятно – нечего сюда лезть, схарчат разом.

– Нравится, – успокоил я его.

– То-то. Ты, мужик, башлее, но я крутой, гы...

– Ну что, поговорим?

– Душно. Давай в «Ромашку»-рюмашку. Недалеко.

– Хорошо, – я повернул ключ зажигания.

Пельмень начал теревить обшивку сиденья, похоже решив проделать в ней дыру. Наверное, он из научного интереса не прочь был бы порезать ее на кусочки, дабы посмотреть, что внутри. Вскоре он оставил это занятие и стал показывать, куда мне рулить.

«Ромашка» представляла собой кафе-мороженое. Посетителей в это время почти не было. Двое пацанов ели пломбирсы, да парень с девушкой в углу пили баночное пиво.

– Заказываете? – спросила нас молодая некрасивая официантка.

– Ыгы, – Пельмень икнул. – Пломбир с шоколадом, стакан портвейна и тебя, – он схватил официантку за локоть, та вырвалась.

– Вы что хулиганите?

– Гы.

– Не обращайтесь внимания, – улыбнулся я извинительно. – Джентльмен так шутит... Мне, пожалуйста, чашку кофе.

– Со сливами, гы.

Официантка покраснела, бросила злой взгляд на Пельменя и ушла выполнять заказ.

– Тебя, гы... Это анекдотец такой. Грузин говорит официантке: «Мне список блюд». А она ему говорит: «Вам меню?» А он ей говорит: «Можно и тебя, если захочешь». Гы-гы... А ты чего не смеешься?

– Кончай кривляться, Пельмень. О деле говорить будем – так давай говорить. Нечего тут понты кидать и внимание привлекать.

– Гы? – озадаченно прохрюкал он. – А ты че, в порядке, фраер маринованный, недоволен?

– Фраер ты и твой папа. Если хочешь, чтобы тебя как клоуна заценили, ищи другого зрителя. Разговор будет?

– Гы, – недоумение и озадаченность.

– Тебе такого покупателя, как я, за всю жизнь не найти. Если по тюремной параше скаешь, попробуй загнать вещички кому другому.

– Ты не очень-то. Я ведь могу и вскрытие организовать не хуже великого хирурга Тимирязева, гы...

– Пирогова, дурик... Дешевый базар этот достал. Будет полезный разговор?

– Будет.

Официантка принесла кофе, стакан портвейна и мороженое, не глядя на Пельменя и стараясь держаться от него на расстоянии дальше вытянутой руки, поставила заказ на стол. Пельмень что-то хотел ляпнуть, но сдержался. Он сграбастал стакан, залпом осушил его, заглотив разом полпорции мороженого.

– Гы, – удовлетворение и радость.

– Что можешь предложить? Меня старинное рыжевое интересует.

– Что хошь есть. Во, – он вытащил золотые старинные часы.

Я взял их и открыл крышку. Они были в прекрасном состоянии. Заиграла музыка. На крышке было выгравировано: «Любимой Марии Ивановне от Лацкого». Вещичка не из квартиры Порфирьева. Но что-то очень знакомое.

– Сколько хочешь за них?

– Пять штук.

– «Зеленых»?

– Фиолетовых, гы... Конечно, баксов!

– Две – больше не стоят.

– С половиной, – махнул рукой Пельмень, и я понял, что он без понятия о стоимости этой вещи.

– По рукам. Но это мелочь. Мне нужно больше.

– Гы, – можно расценить как согласие.

– Пельмень, я вижу, что в этих делах ты на подхвате.

– Ты чего, в порядке, за беспонтового лоха меня держишь, гы?

– Не суетись. Лучше устрой встречу с хозяином. Возьму что у него есть. И скажу, где взять больше.

Я напрягся. Насчет хозяина сказал наобум. Пельмень мог работать на кого-то, но вполне мог подобрать бригаду и сам проделать такое дело, если случайно подвернулась наводка...

– Гы, – неуверенность и заинтересованность. – Поглядим.

В точку попал. Он работает на кого-то. Теперь вся надежда, что этот «некто» не имеет приличных каналов сбыта и не доверит тупому Пельменю дальнейшие переговоры.

– За деньгами придешь в «Интурист» и принесешь туда часы. Номер семьсот одиннадцать. И переговоры с хозяином.

– Гы, – то ли обещание, то ли неопределенность. – Только эта, за лоха меня не держи. Ежели чего, то того – мочкану, – он сжал кулак.

– Если чего, ты даже плавником махнуть не успеешь, – улынулся я. – Зачем угрозы? Мы же друзья, Пельмень.

– Гы, – он неопределенно пожал плечами.

Я допил кофе, Пельмень потребовал и выпил еще стакан портвейна, заглотив еще порцию шоколадного мороженого. Потом мы распрощались и пошли каждый по своим делам. Пельмень не знал, что у него появилась компания – прилипшая к нему бригада наружного наблюдения...

* * *

Пельмень был гоп-стопником по призванию. Заниматься грабежом он любил, пристрастился к этому ремеслу в раннем возрасте. Начинать с грабежа одноклассников и детей из младших классов. Такса у шпаны по тем временам была божеская. На мороженое и на кино. Учителя грозили юному Пельменю пальцем, сотрудница инспекции по делам несовершеннолетних расписывала, как плохо в тюрьме и как тяжело в жизни тем, кто не чтит закон. Слова от головы Пельменя отскакивали, как дробь от танковой брони. Он понял их истинную цену, когда несколько раз его пытались направить в школу для малолетних негодяев и не направляли из-за отсутствия там мест. Ведь негодяев много, а мест мало. Хуже было с родственниками жертв. Время от времени его били братья и родители пострадавших. Он шмыгал разбитым носом, умывался в туалете и опять шел грабить. С каждым годом бить его становилось все труднее, тогда как ему кого-то отделать становилось все легче. Детинушка рос не по дням, а по часам.

Тот памятный день рождения был не только праздником для Пельменя, но и для школы, для милиции. Он сам отпраздновал его ограблением пьяного прохожего, возвращавшегося

домой с зарплатой. Вся шутка судьбы состояла в том, что это был четырнадцатый день рождения, грань, пересекая которую ребенок вдруг становится взрослым и получает возможность на законном основании именоваться вором, разбойником и насильником.

Пельмень был схвачен, препровожден в камеру предварительного заключения, а оттуда на четыре года в воспитательно-трудовую колонию. Передачи и письма ему приходили редко. Старший брат Пельменя как раз попал в тюрьму за кражу мотоцикла. Мать все время болела. А отец однажды прислал весточку: «Сынок, я живу хорошо, но на новом месте. Пиши мне по адресу ул. Валежная, 3. Лечебно-трудовой профилакторий номер два». Примерным поведением Пельмень похвастаться не мог, поэтому вышел из зоны точно по окончании срока – в день своего восемнадцатилетия.

Так получилось, что примерно в это же время вышел из тюрьмы брат и покинул ЛТП отец. Семья вновь собралась вместе, но патриархальной идиллии никак не получалось. Папаша и брат – такие же здоровые и отвязные, как Пельмень, все время надирались до зеленых чертей и гоняли друг друга по дому. Время от времени доставалось и Пельменю. Впрочем, доставалось всем без исключения и от него. Мать все время лежала с сердцем в больнице. Дома стоял невыветриваемый запах перегара, запустения.

Наконец Пельменю надоел свой районный центр на десять тысяч жителей, где его знает каждая собака, где постоянно стоит над душой участковый и где не предашься спокойно любимому занятию – уличным грабёжам. Однажды он собрал вещички и укатил к корешам в Ленинград.

В великом городе на Неве он смог сполна отжаться своей страсти. Ночной город. Большой ночной город. Огромный ночной город с миллионами людей и тысячами темных закоулков. Мечта гоп-стопника. Заполненный дичью лес для голодного волка.

«Подождите», – слышит возвращающийся из гостей под хорошей мухой гражданин голос сзади. Оборачивается и тут же получает сокрушительный удар в челюсть. Пока он отдыхает на асфальте, его карманы подвергаются тщательному очищению.

Грабить легче всего пьяных. Пьяный – находка для грабителя. Чем пьянее, тем лучше. Сопrotивление оказать не может. В милицию если добредет, то сразу все не объяснит. Да и у милиции отношение к нему – пьяный, значит, бесправный. Пельмень усвоил эти истины на «отлично». И продолжал совершенствовать мастерство. Стал не просто провожать жертву до темного переуллка, а научился завлекать в западню. У него появились помощники.

Гражданин все под той же хорошей мухой идет домой. Видит двух симпатичных молоденьких девчонок, призывно улыбающихся и подмигивающих ему. «Не хочешь, папаша?» – следует откровенный вопрос. Папаша хочет. Нырять за девахами в темный дворик. И получает там совсем не то, на что рассчитывает, – тот же самый коронный удар в челюсть.

Пельмень принялся за обучение молодого поколения. Сперва стал брать на дело своих корешей. А потом и окрестную шпану. Правда, ни у кого не получалось дело так споро, как у него. Коронный выключающий удар – не каждому подобное дано, так что работу Пельменя выполняли три человека. Но с таким же эффектом. Карманы пылесосились чисто. После того как Пельмень признался следователю в девяносто двух уличных грабёжах и разбоях, милиция еще три года отлавливала группы его учеников, у которых тоже появились свои ученики.

После второго суда жизнь Пельменя не отличалась разнообразием. Он выходил на свободу. Грабил. Снова отправлялся на зону. Снова выходил. На воле пьянствовал с папашей и братом, дрался с ними, гоняли все вместе мамашу по дому. Жить в последние годы становилось куда легче. Перестал стоять над душой участковый, нить о трудоустройстве и ответственности за хулиганство. Свободная страна: хочу работаю, а хочу гоп-стопничаю.

Еще когда Пельмень решился на ленинградскую гастроль, он понял простую истину – заниматься преступным промыслом лучше не там, где живешь. Предпочтительнее другой район. А еще лучше – другая область. О других странах тогда никто не мечтал, но со вре-

менем добрался Пельмень до Польши. Чем он занимался в последнее время, милиции неизвестно. Доходили слухи, что разбоями по заказам – прибывался к разным группам. Вроде бы даже висит на нем труп. Больших денег Пельмень, похоже, не имел. Те, что имел, прогуливал и пропивал в кабаках. Однажды купил машину, правда, через неделю разбил ее и больше к собственным колесам не стремился. Дома бывал все меньше. Перебрался в город, где у него была любовь – Катька Соловьева. На квартиру к ней на улице Космонавтов он и привел нашу наружку.

Надежда, что потом он встретится со своими подельниками, не оправдалась. Пельмень отправился на междугородний переговорный пункт. Кому он звонил – засечь не удалось. По обрывкам фраз, доносящихся из кабины, стало понятно, что беседа касается наших дел. После этого он пришел ко мне в номер с часами и получил деньги.

Отсчитывал я ему пятидесятидолларовые купюры чуть ли не со слезами на глазах. Я бы с удовольствием вручил ему фальшивые, благо этого добра у нас в отделе завались – накрыли целую фабрику. Но нельзя. Все должно быть честно. Еще несколько лет назад на подобную операцию я бы и ста долларов не получил. Сейчас можно рассчитывать и на гораздо более серьезную, чем две с половиной тысячи «зеленых», сумму. И тысячу бумажек еще напишешь, потому что такие суммы даются из графы на оперрасходы только с визы заместителя министра внутренних дел Российской Федерации. И при условии, что они вернутся обратно с отличным результатом. Победителей не судят. А если провалимся? Такой скандал, такие разборки, что небеса содрогнутся.

Я погладил часы. Хорошая вещь. С золотой цепочкой. Так и просится на мой фрак. Только фрака у меня нет. Не будет и таких часов.

Я спрятал часы в «дипломат», поставил его в шкаф, сел в кресло против Пельменя и спросил:

– Где хозяин твой?

– Гы.

– Что – гы?

– Встретится он с тобой, не мандруй. Только ты того...

– Чего того?

– Про часики и медальон не брякни ему. А то не сведу.

Новое что-то. Интересный поворот. Похоже, босс Пельменя понятия не имеет об этих вещах.

– Договорились.

– Клянешься?

– Падлой буду.

– Гы... Ты смотри, в порядке.

– Сказал же. Слово – железо.

– Позвоню тебе. Как там поют – жди меня, и я возвращусь.

– Вернусь.

– Гы...

* * *

Сроду столько не ходил по кабакам, как сейчас. На протокольном языке это называется так: «праздно проводил время». Еще можно добавить – за государственный счет. Но я не виноват, что кабак – любимое место обитания и времяпрепровождения преступного элемента. Для меня он – рабочее пространство. Как для водолаза – морская пучина. И я согласен стоять на таком нелегком боевом посту, пока у МВД деньги не кончатся.

Пельмень назначил мне встречу в ресторане «Тополь» в центре города, клятвенно заверив, что хозяин придет. И вот я битый час сижу за столиком, слушаю оркестр, любуюсь на пляски ресторанного люда.

– По одной? – деловито осведомился Пельмень.

«Одна» была уже седьмой по счету. Графинчик с коньяком пустел, а Пельмень по закону сообщающихся сосудов, наоборот, набирался. Что за удовольствие поить и кормить его за счет налогоплательщиков? От государства ему может быть только один рацион – положенная по нормам пайка в зоне. А здесь, пожалуйста – коньяк, жульен, дичь. Ничего, Пельмень, я тебе каждый кусочек припомню. Настанет время.

– Я грю – по одной? – повторил Пельмень – его язык заплетался.

– А не перебор?

– Гы...

Он поднял рюмку и тут же опрокинул в свою глотку. Я понюхал коньяк и отставил рюмку.

«Стюардесса по имени Жанна», – наяривал оркестр и пела высоким голосом пышнотелая, в платье с блестками певица эту старую песню, которая по возрасту уже больше относится к фольклору, а не к эстраде.

– Сколько еще ждать? – спросил я.

– Гы... Не мандруй. Скоро.

За приставленными друг к другу соседними столиками справляла день рождения компания, состоящая из нескольких лиц мужского пола, как пишется в сводках, «кавказской народности» и нескольких лиц женского пола русской народности. Интернационализм крепился там на деле, сближение «народностей» приближалось к интиму, одна шаловливая рука ползла под юбку, другая скользила по груди.

– «Сулико» давай! – вдруг завопил седой полный юбиляр и, смяв в руке купюру, кинулся к оркестру.

«Сулико ты моя, Сулико», – привычно и профессионально затянул оркестр, выучивший за последние годы песни всех кавказских народов. В сознании музыкантов звуки этих народных мелодий крепко слились с мягким шуршанием купюр. В отличие от русских бандитов-халявщиков, драчунов и грубиянов «кавказ» за песни платит исправно.

Двое кавказцев вытащили своих девах и, пьяно покачиваясь, бросились в пляс. К ним присоединились двое бритозатылочных зеленопиджачников – сдались им в этом городишке светофорных цветов пиджаки, по Руси они давно из моды вышли.

Пельмень потянулся снова к графину, но я успел его убрать, и лапа схватила воздух. Он посмотрел удивленно на свою руку, в которой не различил сосуда с волшебной влагой.

– Передохни чуток, – посоветовал я.

На «танцплощадке» бритоголовый и грузин не вписались в повороты, столкнулись и начали таскать друг друга: один за лацканы зеленого, а другой – белого пиджака. Что же за кабак без драки?

– Ты, чернота, – слышались обрывки интеллигентной беседы.

– Ты, щенок!

В Москве могло бы хватить для начала хорошей разборки, если бы поцапались представители преступных группировок. Половина вооруженных конфликтов начинается вот так, по дури, в кабацком раже. Пошли бы «стрелки», взрывы машин, предъявление счетов. Провинциальные нравы поспокойнее, обстановка не располагает. Появились два милиционера и растащили драчунов в стороны. Мир был восстановлен.

«По аэродрому, по аэродрому», – завела певица...

Я начал скучающе рассматривать зал. В основном он был наполнен молоденькими мальчиками и девочками, большей частью приезжими. Они нашли себя в спекулянтском безумном бедламе, именуемом рыночной экономикой, в то время как старшее поколение оказалось

почти полностью выкинутым на обочину и ввергнутым в нищету. Через стол от меня сидел пацаненок лет двенадцати, с необычайно выразительными миндалевидными глазами. Днем я видел его на паперти, где он, смотря жалобно на прохожих, просил милостыню. Редкое сердце не дрогнет от такого пронзительного детского взгляда. Талант, ничего не скажешь. Официант сказал, что пацаненок обедает в ресторане каждый день, а иногда заглядывает и на ужин – средства позволяют.

В дальнем углу расположился за столиком человек в темных очках. Наверное, как и Наташе, неудобно их снимать. Хотя, не похож на тех, кому наставляют фингалы, – в строгом костюме, с усами. По правую руку девушка лет двадцати. Оба умеют держать нож и вилку, манерам обученные.

Где же босс Пельменя? На такие встречи не опаздывают. А может, он уже здесь? Я изучил каждого сидящего в зале. И не остановился ни на ком.

– Первач армянский, – Пельмень все же дотянулся до графина. – Уваж-жаю.

– Где хозяин?

– Гы, – мутным взглядом Пельмень окинул меня, потом зал. – А че, нема?.. Нетути. Паханчик мой дорогой, где же ты? Ау.

– Издеваешься, дешевка?

Все. Начинаю звереть. Я взял его за плечо и вдавил болевую точку, пробив жир и мышцы.

– Уй-я, – передернулся Пельмень. – Ну ты того, в порядке, фраер... Гы, – он встряхнул головой, приложил графин ко лбу и спросил: – Время?

– Полдесятого.

– Гы, – озадаченно протянул Пельмень. – Не придет.

У меня сильно зачесался правый кулак. Дам я ему сегодня волю. Вот только доведу Пельменя до тихого места, узнает он, где раки зимуют.

– Гы... Не мандруй, фраер. Он грил, в девять как штык будет. А если не в девять, значит, завтра в два к тебе в номер пришлепает. Это уже верняк. Но тих-хо. – Пельмень опасливо огляделся и поднес палец к губам. – У врага уши на макухе, гы.

– Пельмень, если ты меня динамишь – ответишь.

– Гы, – вопросительно-угрожающе прошипел Пельмень.

– Мое дело предупредить.

Пельмень допил коньяк и с тоской посмотрел на опустевший графин. Качнулся и попытался уронить голову. Я встряхнул его, похлопал по плечу.

– Пожрал, попил, пора до хаты.

– Гы...

Работай тут за «спецмедслужбу», развози алкашей по домам на «Мерседесе». Я вытянул у Пельменя адрес, который сам прекрасно знал. Пельмень задремал на заднем сиденье. Через четверть часа машина остановилась перед восьмизэтажным домом с горящей надписью «астроном». Большая Г погасла безвозвратно.

– Шабаш. Приехали.

– Гы, – не открывая глаз, промычал Пельмень.

Я с удовольствием отхлестал его по щекам и привел в себя.

– Вот твой дом.

– Спасибо, шеф. Сколько должен?

Пинком я придал ему необходимое ускорение, и он по замысловатой кривой устремился к подъезду. Итак, встреча с боссом завтра в два. Интересно, он правда обещал прийти или Пельмень просто решил нажраться в ресторане на дурачка?

Я поставил машину на охраняемую стоянку у гостиницы, включил сигнализацию и поднялся к себе в номер. Упав в кресло, я обдумывал сегодняшние события. Что-то меня смущало

в этой ситуации, что-то сильно не нравилось. Интуиция подавала сигнал тревоги. Кажется, я сделал где-то ошибку. В ресторане все пошло не так.

Если загадочный босс завтра не появится, надо Пельменя брать и опускать в камеру. Водить его под наружкой можно без всякого толка еще полгода. А так мы с ним поговорим предметно. По душам. Точнее, его душу я из него выну. Без проблем.

* * *

Интересно, сколько сейчас времени. Не знаю. Но чую – очень рано. Мне хорошо и уютно в постели и так не хочется вылезать из-под одеяла. Мне не нужно сейчас ничего, я не прошу золотых гор, путевок на Мальдивы и повышения зарплаты. Дайте мне только еще чуток вздремнуть... Как же, дадут! Телефон все звонит и звонит, и его трель ходит по мне тупой пилой.

Нужно серьезное усилие, чтобы пошевелиться. Масса усилий – приоткрыть глаза. Гора усилий – приподняться, дотянуться до телефонной трубки, приложить ее к уху и просипеть:

– Але.

– С добрым утром, – пролетел до меня по проводам полный жизнерадостного энтузиазма голос Железнякова.

– Сколько времени?

– Полшестого.

– Увижу – застрелю, черти тебя дери!

– Чертям сегодня есть кого драть. Они Пельменя в ад тащат.

– Чего?.. Шутишь так?

– Какие тут шутки!!!

Бывает же, что сонливость даже у таких людей, как я, для которых утренний сон есть святое, разом как рукой снимает. И ничего особенного для этого не надо – всего лишь, как сейчас, получить пыльным мешком по голове.

– Подходи в УВД в кабинет Масляненко. Мы тебе много порасскажем, – сказал Железняков...

Через двадцать минут я был в кабинете заместителя начальника уголовного розыска. Масляненко грузно возвышался в своем начальственном кресле и смотрел на меня волком, будто я поставил отдавивший его лапу капкан. Железняков же был свеж, энергичен, приветлив. Такое настроение бывает, когда приходишь к знакомым в гости на застолье. Значит, Егор мобилизовался и готов к пахоте.

– Наружка проводила тебя и Пельменя до его логова, – начал печальное повествование Железняков. – Ты заботился о нем, как о брате. Бригада осталась его пасти на ночь. После Пельменя в подъезд заходила только пожилая женщина, живущая на третьем этаже. В четыре ночи девушка с пятого этажа возвращалась из гостей...

– Если в четыре утра – это уже не девушка, – больше по привычке, чем от веселья, брякнул я.

– Она увидела на ступенях труп с огнестрельными ранами в области головы и груди. Позвонила в милицию, – завершил короткий рассказ Железняков.

– Мои сотрудники проводят неотложные действия, отрабатывают жилой сектор, – добавил Масляненко. – Выстрела из соседей никто не слышал.

Соседи, наверное, обрадовались точно так же, как и я, когда их в пять часов утра тащили из теплой постели.

– С глушителем сняли? – спросил я.

– Похоже на то.

– Ну не гад этот Пельмень? – возмутился я. – Сыграл в ящик, а наводку так и не дал! Самого-то его, павиана, не жалко.

- Тоже божья тварь, – возразил Железняков. – Любого человека жалко.
- Не до баптистских проповедей, – отмахнулся я. – Как убийца прошел мимо наружки? Наверное, дрыхли сони без задних ног.
- Может, в Москве и спят на посту, – ледяным тоном произнес Масляненко, – у нас люди добросовестно относятся к своим обязанностям. Из подъезда никто не выходил.
- Как же киллер ушел?
- На чердаке живет бомж. Говорит, что ночью по чердаку прошел мужчина. Бомж спрятался, и тот его не заметил. Там лампочка тусклая горит. Бомж сумел рассмотреть, что мужчина высокий, светлые волосы, в клетчатом пиджаке.
- Клетчатый, – задумчиво произнес я, припомнив не к месту знаменитый фильм «Приключения принца Флоризеля» – там главный злодей носил кликуху Клетчатый...
- Найдем голубчика, – заверил Железняков. И, подумав, честно добавил: – А может, и не найдем.
- У нас спокойный тихий город. Как вы приехали – два трупа. Глухих. Вам поиграться в игрушки, а нам все расхлебывать, – завелся Масляненко.
- Вместе расхлебывать, – возразил я.
- Одна морока всей России от вашей Москвы.
- В корень глядите, – согласился я. – Но всяка не два, а один. Лазутина убил Пельмень.
- На его трупе что – явка с повинной была?
- Я его для удовольствия следователя опознаю. И наружка. Хоть и не разглядели его, но для пользы дела можно и узнать.
- Ну спасибо. А с трупом Пельменя как? Тоже убийцу опознаете?
- По Пельменю работать надо. Обходы, опросы – не мне вас учить. Убил его хозяин, который мне в ресторане «стрелку» забил.
- Зачем? – спросил Железняков.
- Чтобы обрубить ниточку. Пельмень обрубил Лазутина. Хозяин обрубил Пельменя.
- Теперь кто-нибудь обрубит хозяина, – хмыкнул Железняков.
- Развели вы тут страсти мафиозные! – воскликнул Масляненко.
- Мафия развела, – сказал Железняков. – Кто же этот хозяин?
- Как кто, – сказал я, разом все вспоминая. – Клетчатый.
- Тип в темных очках и клетчатом пиджаке за столиком с девахой по правую руку. Деваху мог прихватить на любом углу – для отвода глаз. Выпасал, гаденыш, присматривался ко мне.
- Я его тоже видел, – сообщил я...

* * *

Здравствуй, дорогая моя столица. Здравствуй, родная Петровка, 38. Можно поздравить и себя, и Железнякова с прибытием. И с полной порцией тумачков.

Прием нас ждал теплый. Мы прошлись по нескольким кабинетам в порядке иерархии их хозяев. Там нам попытались причинить как можно больше моральных повреждений. Но не на тех нарвались. И я, и Егор неплохо владеем тактикой поведения в подобных ситуациях. Надо только вытянуться по стойке «смирно», преданно глядеть начальству в глаза, отвечать коротко и четко: «Есть. Так точно. Будет исполнено. Совершенно верно, дурак-с, виноват-с». Возражения бесплодны и смешны, особенно если за тобой есть доля вины. Они воспринимаются как унижение начальственного достоинства. Хозяева высоких кабинетов не для того карабкались ввысь и нашивали на брюки лампасы, чтобы выслушивать аргументированные возражения и дельные ответы. Чиновникам что-то объяснять бесполезно. На равных можно говорить с оперативниками, пусть даже и лампасными, но таковых очень немного.

Все-таки в одном из кабинетов черт потянул меня за язык, за что я тут же был «бит шомполами». Впрочем, не скажу, что меня это сильно задело. Проработка, пропесочивание – с каждым годом эти административные экзекуции становятся все менее страшными. В двадцатом году в результате такой проработки могли пустить в расход в подвале ЧК, в тридцать седьмом – подарить пилу и участок выработки в глухой тайге, в восьмидесятом – выгнать из партии и вышибить из органов. Сегодня же юрист в банке или специалист в службе безопасности получает тысячу долларов, сотрудник МУРа с юридическим образованием – восемьдесят. Так что угрозы изгнания из гильдии звучат просто смешно. Сегодня сотрудника надо беречь. Особенно когда сотрудник умеет работать и занимается этим делом сутки напролет за копейку. Но даже если сотрудник за ту же зарплату не делает ничего, его тоже надо беречь, поскольку на его место специалиста с высшим юридическим образованием не найдешь. Так что есть в нынешней ситуации и свои положительные стороны. И не разоряйтесь, господа начальники, берегите нервы и голосовые связки. Ничего вы мне не сделаете. Выгоните? Никогда. Выговор влепите? У меня их, как и благодарностей, больше, чем у ежа иголок.

– Молодцы, отличная работа, – оттаскал нас напоследок за уши Семеныч – начальник отдела. – Особенно хорошо ты, Алексей, постарался. Неделя в кабаках. Список выпитого и съеденного я читать утомился. Денег ухнул – тебя можно было в Америку на обмен опытом послать.

– Мне эта Америка... А эти кабаки... Во они мне где, – я провел ребром ладони по горлу.

– Конечно, днем и ночью гудеть – надоедят... Почти три тысячи долларов как корова языком слизнула за будильник этот...

– Да вы что! Часы отличные!

– Двух фигурантов убили. Я не знаю, такое вообще когда бывало? Вы не на Книгу рекордов Гиннеса нацелились?

– Эпоха переломная. Кровавая, – вздохнул я.

Действительно, кровавая. И кровь уже не выглядит так страшно. Несколько лет назад шеф пропесочивание начал бы с убиенных фигурантов, а закончил бы денежными потерями. Сегодня трупов с огнестрельными, ножевыми ранениями, разорванных, растерзанных, съеденных – тьма-тьмущая, два лишних ничего не изменят. А вот денег на оперрасходы жалко, как своих.

Все-таки шеф относился не столько к чиновникам, сколько к оперативникам, к тому же был он не слишком большим начальником, знал все и про нашу зарплату, и что в банке, куда меня зовут уже третий год, я буду получать в четыре раза больше, да и вообще все понимал, поэтому сил на угрозы и обещание страшных кар не тратил. Процесс пропесочивания длился недолго и носил характер больше формальный. Под конец Семеныч, посмотрев на нас долгим, укоризненным взором, осведомился:

– Чего, сыщики драные, дальше делать намерены?

– У нас часики есть. За них деньги большие плачены. Грех не попользоваться. По ГиЦу пробьем. Вещь видная. Если была похищена, должна быть в банке данных, – сказал я.

И как в воду смотрел. Вещь действительно была видная. И на самом деле она нашла место в базе данных «Антиквариат» Главного информационно-аналитического центра МВД, где хранятся сведения о похищенных вещах. По всему выходило, что исчезли эти часики во время налета на квартиру Сергея Ивановича Непомнящего. Один из наших оперов принес мне бумагу ближе к следующему вечеру. Хоть какая-то польза от покойного Пельменя, узнали еще об одном налете, совершенном его компанией.

– Видишь? – спросил я Железнякова, хлопая по бумаге.

– Как я вижу, если ответ у тебя.

Я протянул бумагу ему, он прочитал ее и кивнул:

– Теперь вижу.

– Дело числится за УВД Центрального округа. Скажи, кто из нас двоих начальник.
– Ты, – признал неохотно Железняков.
– Верно. Значит, тебе созваниваться с УВД и собирать все материалы по этому налету.
– А тебе руководить?
– Такова жизнь. Кроме того, тебе легче. Ты человек женатый, обязанностей никаких. А у меня дочка во вражьих руках, я ее хотел сегодня повидать. И любовница не кормлена.
– Прохиндей, – кратко охарактеризовал меня Железняков и пошел в соседний кабинет прозванивать в Центральный УВД.

А я сел на телефон звонить моей бывшей жене.

– Фирма «Эванс», – послышался на том конце провода мягкий и вежливый до приторности женский голос.

– Мне Надежду Васильевну.

– Одну минуту.

Завоевание капитализма – офисная вежливость. Раньше так отвечали только роботы для справок в кинотеатрах. Сейчас же клерки и секретарши в фирмах. Все правильно: не прогнешься – не продашь.

– Коммерческий директор фирмы «Эванс».

Моя бывшая благоверная кобра тоже может быть вежливой. Когда захочет. И когда на работе.

– Привет, это Алексей.

– Здравствуй. Где ты пропал?

– Вчера вернулся из командировки.

– Где был?

– В Каракумах... Давай я сегодня возьму из гимназии Котенка.

– Тебе далеко ехать придется.

– Почему?

– Она в Англии. Обмен между пятиклассниками. На четыре месяца.

– Черт вас возьми с вашей Англией! Чего там Котенку делать?

– А чего ей в совке делать? Чего ты опять злишься? Знаешь, каких трудов и денег Володе стоило сделать Котенку этот подарок?

– Отправила мою дочь незнамо куда и еще возникает.

– Кстати, Володя о тебе спрашивал. Хочет проконсультироваться.

– Хорошо. Пусть позвонит мне твой спекулянт.

Муж моей жены, мой бывший приятель по школе и по боксу, хочет меня видеть. Готов главный менеджер уделить время, которое деньги. Я польщен... Ну надо же – отправили мою дочь к спесивым островитянам, чтобы она там училась Россию ненавидеть. Вот торгаши клятые!

Я набрал следующий номер.

– Следственное управление? – осведомился я.

– Да, – ответил густой голос.

– Мне Елену Анатольевну.

– Она в командировке.

– Это Лядов из МУРа. Где она?

– В Костроме.

– Когда будет?

– Завтра выйти на работу должна.

– Спасибо.

Дочка в Англии. Любовница в Костроме. Пустой дом. Вечерняя скука.

– Ты здесь еще, – отметил я, заходя в соседний кабинет, где Железняков собирал портфель.

– Я созвонился с УВД ЦАО. Костя Родин дело ведет. Он меня сейчас ждет.

– Поехали вместе. Все-таки не такой уж я большой начальник...

* * *

Рабочий день близился к завершению, и народ уже расходился из УВД. Бывали времена, когда к семи часам сотрудники только входили во вкус работы. Сегодня у всех есть более важные дела, чем просиживать в кабинете. Например, можно подрабатывать охраной офисов и ларьков, консультировать фирмы по вопросам безопасности. Все меньше становится сотрудников, горящих неистовым благородным огнем на службе. Все больше сонных тетерь, которые просыпаются только тогда, когда появляется возможность подзашибить сотню-другую «зеленых».

Костя Родин был из нашего племени – из продолжающих гореть на работе, хотя и не так ярко, как в былые времена. На нашем племени еще держится уголовный розыск. Интерес, азарт и стремление к справедливости для нас не пустые слова, они поважнее, чем пресловутая зелень. Пускай общество заигрывает с преступниками. Пускай судьи и прокуроры, а то и твои же коллеги отпускают их за деньги на свободу. У нас есть свой крест – и тащить его нам, хоть наш общий дом и ходит ходуном и вот-вот развалится до фундамента.

С черноглазым и черноволосым статным хлопцем Костей Родиным мы работали по делу о царских слитках. За пятью килограммами золота мы носились по России и нашли-таки их, получив премии. Рабочий день у Кости был в самом разгаре.

В его тесном, заваленном вещдоками кабинете, помимо него, было еще двое малолетних, только из школы милиции, оперативников и задержанный. Костя нависал над накачанным красавчиком. В руках он держал электрошокер, время от времени выразительно нажимая на кнопку – тогда слышался электрический треск. Как я понял, красавчик с подельником разграбили квартиру и этим самым электрошокером пытали хозяина и его дочку.

– Чего, подключить к тебе электричество? – вопрошал Родин.

Красавчик был перепуган и раздавлен.

– Я... Я сейчас из окна выброшусь.

– Испугал-то как... Будешь говорить? Куда вещи дел? Где бита, которой потерпевшего бил?

– Я ничего не зна-а-ю, – гнусил красавчик.

Надо помочь. Я вопросительно посмотрел на Родин и показал пальцем на красавчика. Родин кивнул. Я ладонью впечатал красавчика в сиденье стула, потом поставил на ноги – мордой к стене, и заорал истошно:

– Ты, потрох сучий, моего родственника ограбил! И еще пытал! – Я прижал его воротник удушающим приемом и заорал еще пуще прежнего: – Задущу!

На лицо я нацепил самый жуткий оскал из моего арсенала. Глаза красавчика начали закатываться, он стал терять сознание.

– Где вещи, курва лупатая?!

– Я... – он прокашлялся и попытался отдышаться. – Я все покажу... Они у Тоньки... Дома у нее...

Родин кивнул на него своим мальчишам, и те потащили бандюгу в соседний кабинет – брать чистосердечное признание. Так, оказана районному звену методическая помощь.

– Спасибо, помог дожать. Упрямый попался. – Родин спрятал электрошокер в стол.

– Всегда готов помочь.

– Хорошо ты его расколот. Мне особенно понравилось, как ты родственником жертвы представился. Кстати, потерпевший – мозамбикский негр.

– А я все время недоумеваю, чего у тебя, Леха, кожа смугловатая, – усмехнулся Железняков.

– Ладно, шутники, – нахмурился я. – Костик, наше участие в раскрытии по этому негролюбю в сводку забьешь.

– С чего это? – возмутился Костик.

– Палку себе оставишь. А мы сводкой отчитаемся. Чего, не родные, что ли?

– Ладно, чего не сделаешь для друзей.

– Давай оперативно-поисковое дело по Непомнящему.

– Бери. Как раз с земельного отдела взял к вашему приезду. – Родин открыл сейф и вытащил оттуда тощую папку.

Я взвесил дело в руке и укоризненно покачал головой.

– У оперов этих дел – по сто штук, – возмутился моим немым укором Родин.

Я быстро пролистнул дело. Содержание было скудным – под статью весу. Не было даже положенных в былые времена отписок, призванных сымитировать активную розыскную деятельность. Всем на все плевать – и тем, кто делает, и тем, кто руководит и наблюдает. Родин прав – дела захлестнули. Девятый вал преступности. Великая криминальная революция.

– В рекламе «дирижа с ксилитом» полезной информации больше. Может, в деле у следователя что есть? – спросил я.

– Оно тоньше в два раза. Там допрос потерпевшего на две страницы, на три – свидетеля. И постановление о признании потерпевшим. У следователя полсотни дел в производстве.

– Правильно. И можно ни по одному не работать. Как вы вообще что-то раскрываете?

– Не знаешь, как. Ловим с поличным бандюгу и крутим. Потом цепляем его корешей и крутим. Потом их корешей. Глядишь, сразу сто преступлений и скинем. И раскрываемость сразу вверх прет. А классическая работа – поквартирные обходы, отработка контингента, алиби, улики – такое только по «резонаторам» увидишь.

– Есть в твоих словах исконная милицейская мудрость, – не мог не оценить я. – Расскажи в двух словах, что знаешь.

– Валерия Непомнящая возвращается из командировки. Видит своего мужа в бессознательном состоянии. Кто-то тяжелым тупым предметом попробовал на прочность его череп. Квартира основательно подчищена. Деньги, антиквариат, то да се – набралось на немалую сумму. Ей становится жалко мужа и имущество, она вызывает «Скорую» и милицию. Непомнящего доставляют в Склифосовского. Откачивают. Травма головы оказывается несерьезная, чисто символическая. В бессознательное состояние он пришел, напившись водки с клофелином. Думаю, напоили его нежданные гости.

– Ясное дело, не сам. Как преступники проникли в квартиру?

– Он сам впустил. Там дверь – ее только из пушки возьмешь. И цепочки дверные – с руку толщиной, как в средневековом замке... Сам впустил, об заклад бьюсь.

– Что потерпевший говорит?

– Ничего не говорит. Под статью фамилии – ничего не помнит. Амнезия. После отравления клофелином люди частенько ничего не помнят. У него весь день из памяти выпал.

– Картина – копия ограбления квартиры писателя, – сказал я Железнякову.

– Какого писателя? – заинтересовался Родин.

– Уж не Льва Толстого, – сказал я и обрисовал ситуацию. И увидел, как Костя начинает загораться.

– Интересный компот, – отметил он.

– Какие у тебя соображения по делу?

– Непомнящий – сам жук хороший. Директор фирмы «Волна-элит». Подторговывают канцтоварами и всякой всячиной. Какие-то темные отношения с преступным миром и с компаньонами. Мне кажется – разбой заказной. Чтоб на место поставить.

– Будем опять вместе пахать.

– Ты меня сначала у начальства выпроси. Два сейфа дел. А завтра Лужники шмонаем. Послезавтра – спортмероприятия. Потом – ночной рейд. «Арсенал» на носу. Да еще жена в отпуске.

– Последнее при чем?

– Как? Жена на море. А квартира пустая. Неужели непонятно?

– Хватит голову морочить. Завтра через руководство Главка тебя к нашей группе прикомандировываю.

– А я что. Я не против.

– Будешь отрабатывать связи Непомнящего. Тщательно. Как в школе милиции учили, а не как вы обычно работаете.

* * *

– Але, Лена? Это Алексей. Ты куда запропастилась?

– В командировке была.

– Знаю. Вчера приехала – чего не позвонила?

– Зачем?

Тон сухой, голос официальный. Или в ее кабинете кто-то есть, или она за что-то на меня дуется.

– Когда появишься на моем горизонте?

– К чему это, Алексей?

К чему – я бы мог расписывать долго. Вот только не хочется, чтобы разъяснения дошли до чужих ушей, хозяева которых могут развлекаться прослушиванием наших телефонов. Незачем им знать о моих эротических фантазиях и любовных признаниях. Поэтому я только сдержанно и кратко удивился:

– Как?

– Я ушла от тебя.

Занятно. Интересно, почему? Обычный список претензий к оперу – мол, дома неделями не бываешь, цветов не даришь, приходишь домой злой и угрюмый, кроме службы, ничем не интересуешься? Вряд ли. Лена сама следователь и ведет точно такой же образ жизни.

– Куда ушла?

– К Клементьеву, если тебя это интересует! – зло воскликнула она.

– Что с тобой, дорогая? «Сникерсов» объелась?

– В таком тоне разговаривать не желаю!

Сменить тон мне возможности не дали. В трубке послышались короткие гудки. Если бы я не знал, что Лена бывает другой, прямой противоположностью той, которая только что хрястнула об аппарат трубкой, тут же плюнул бы на все, растер и забыл... Ушла к Клементьеву – это ж надо. Ладно бы к обозревателю телевидения или к бизнесмену. А так просто анекдот получается: старший следователь ушла от опера МУРа к прокурору межрайонной прокуратуры. Очерки из жизни сумасшедших. Я и Лена – двое влюбленных в уютном двухкомнатном гнездышке, видим друг друга редко, один все время на мероприятиях, другая – из СИЗО и ИВС не вылезает, разговоры только об осточертевшей и вместе с тем притягательной, как добрый наркотик, работе, о версиях, допросах, очных ставках, об очередных званиях, о том, кого назначили, кого выгнали. Ей это надоедает, она уходит от меня – и к кому?! К такому же замордо-

ванному судьбой бедолаге. И опять у нее по вечерам те же разговоры – о допросах, об очных, о сроках содержания под стражей...

– С Леной говорил? – спросил Железняков.

– Угу.

– Бросила?

– Угу.

– В который раз?

– В первый. Ушла к прокурору Клементьеву.

– Вернется. Он нудный.

– Она тоже.

– Не горюй. Я на три с Непомнящим договорился. Не хочешь со мной съездить?

– Не хочу. Но поеду, – я взглянул на часы. – Нам уже пора выдвигаться.

Московские пробки – настоящая напасть. Сквозь них даже с мигалкой не продерешься. Опоздали мы на полчаса. После пятиминутного процесса установления наших личностей нас пропустила в квартиру миловидная миниатюрная дама. Она была жутко вежливая, жутко интеллигентная и держала под мышкой томик «Избранное» Зигмунда Фрейда.

– Извините за подозрительность, – сказала она. – Но после того, что было, начинаешь бояться гостей.

– Мы понимаем.

– Сережа ждет вас.

Квартира была просторная, с высокими лепными потолками. Мы прошли в столовую.

Непомнящий был вызывающе лыс. Встречаются люди униЗИтельно лысые – они стесняются своего дефекта, теряют уверенность в себе, им начинает казаться, что окружающие их сторонятся, а девушки, морщась от отразившегося от лысины солнечного зайчика, презрительно поджимают губы. Непомнящий нес свою лысину гордо, даже нахально, с достоинством, как медаль.

На вид ему можно было дать от тридцати до сорока. Пышный оазис усов компенсировал бесплодную пустыню на черепе. Спортивный костюм облегал плотное, но без излишнего жира тело. Глаза отличались цепкостью, в них притаились ирония и насмешка.

– Ждем. Очень приятно. – Мы пожали руки и представились. Ладонь у него оказалась крепкая, как деревяшка. – Чай? Кофе?

– Виски с содовой, – кивнул я.

– Можно и виски.

– Я шучу, – улыбнулся я. – Кофе.

– Мне чай. Без сахара. И покрепче, – дал заказ Железняков.

– Дорогая, сделай кофе и две чашки чаю. Покрепче.

– Сейчас, дорогой, – ответила супруга и исчезла на кухне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.